

ДЖОРДЖ МАРТИН

БИТВА КОРОЛЕЙ

ЧАСТЬ I

Иллюстрации
РИЧАРДА ХЕСКОКСА

18+

Иллюстрация
Ричарда Хескокса

Песнь Льда и Огня (Иллюстрированная)

Джордж Мартин
Битва королей. Книга I

«АСТ»

1998

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мартин Д. Р.

Битва королей. Книга I / Д. Р. Мартин — «АСТ»,
1998 — (Песнь Льда и Огня (Иллюстрированная))

Король умер, да здравствует король! Да, но какой из королей? Кто воссядет на Железный трон после смерти Роберта Баратеона? Кто поддержит его в борьбе с претендентами? И на что он готов, чтобы победить в этой борьбе? Вторая часть саги Джорджа Мартина проиллюстрирована ветераном фантастической живописи, известным американским художником Ричардом Хескоксом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мартин Д. Р., 1998
© АСТ, 1998

Содержание

Пролог	8
Арья	24
Санса	29
Тирион	38
Бран	51
Арья	58
Джон	65
Кейтилин	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джордж Мартин

Битва королей. Книга I

George R.R. Martin
A Clash of Kings. Volume One

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg Associates

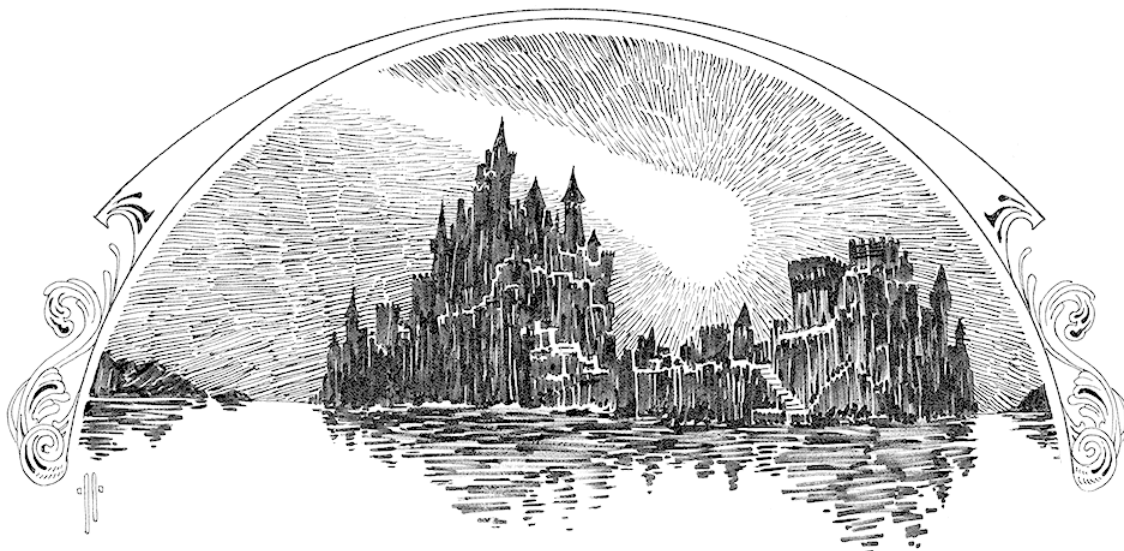
Copyright © George R.R. Martin, 1999
All artwork Copyright © Richard Hescox, 2014. All Rights Reserved
© Н.И. Виленская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пролог

Хвост кометы рассек утреннюю зарю. Красная полоса кровоточила, словно рана, на розовато-лиловом небосклоне над утесами Драконьего Камня.

Мейстер стоял на овеваемом ветром балконе своих покоев. Сюда к нему прилетали вороны после долгих странствий. Они порядком загадили горгулий – адского пса и виверна, возвышавшихся на двенадцать футов по обе стороны от него, двух из тысячи изваяний, хранящих стены древней крепости. Когда мейстер впервые приехал на Драконий Камень, армия каменных чудовищ наводила на него оторопь, но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях. Сейчас он вместе с горгульями взирал на небо с недобрый предчувствием.

Мейстер Крессен не верил в дурные предзнаменования. И все же... За всю свою долгую жизнь он не видел кометы столь яркой и такого жуткого цвета – цвета крови, пламени и заката. Может быть, горгульи видели? Они здесь пробыли гораздо дольше, чем он, и останутся здесь, когда его не будет. Если бы их каменные языки могли говорить...

Что за глупые мысли. Мейстер оперся на парапет. Внизу о берег било море, пальцы ощущали шероховатость черного камня. Говорить с горгульями и читать на небе приметы! Никчемный старик, впавший в детство. Неужели приобретенная тяжким опытом мудрость покинула его вместе со здоровьем и силой? Он мейстер, обученный и получивший нагрудную цепь в прославленной Цитадели Староместа. И все это ради того, чтобы теперь предаваться суевериям, словно невежественный крестьянин?

И все же, все же... Комета последнее время пылала даже днем, и бледно-серый дым поднимался над Драконьей горой позади замка, а вчера белый ворон принес из самой Цитадели давно ожидаемую, но оттого не менее устрашающую весть о конце лета. Предзнаменования слишком многочисленны, чтобы закрывать на них глаза. «Но что они означают?» – хотелось ему закричать.

– Мейстер Крессен, к нам пришли, – произнес Пилос мягко, словно не желая вторгаться в мрачные думы старика. Знай он, какая чепуха у старца в голове, он заорал бы в голос. – Принцесса хочет посмотреть белого ворона. – Пилос, всегда точный в словах, называет ее принцессой, поскольку ее лорд-отец теперь король. Король дымящейся скалы посреди соленого моря, но тем не менее король. – С нею ее дурак.

Старик повернулся спиной к рассвету, придерживаясь за виверна, чтобы не упасть.

– Проводи меня до стула и пригласи их сюда.

Пилос, взяв Крессена за руку, ввел его в комнату. В молодости Крессен был скор на ногу, но к восьмидесяти годам ноги стали подкашиваться под ним. Два года назад он упал и сломал себе бедро, которое так и не срослось как следует. В прошлом же году, когда он занемог, Цитадель прислала сюда Пилоса – всего за несколько дней до того, как лорд Станнис закрыл остров... чтобы помогать Крессену в его трудах, так было сказано, но Крессен-то знал, в чем дело. Пилос должен заменить его, когда он умрет. Крессен не возражал. Надо же кому-нибудь занять его место – и случится это скорее, чем ему бы хотелось.

Младший мейстер усадил его за стол, заваленный книгами и бумагами.

– Приведи ее. Негоже заставлять леди ждать. – Он махнул рукой, чтобы поспешили, – слабый жест человека, не способного более спешить. Кожа его сморщилась, покрылась пятнами и так истончилась, что под ней виднелись жилы и кости. И как они дрожали теперь, эти руки, некогда столь ловкие и уверенные...

Пилос вернулся с девочкой, робеющей, как всегда. За ней, подсакивая боком, как это у него водилось, тащился ее дурак в потешном колпаке из старого жестяного ведра, увенчанном оленьими рогами и увешанном коровьими колокольцами. При каждом его прыжке колокольчики звенели на разные лады: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

– Кто это жалует к нам в такую рань, Пилос? – спросил Крессен.

– Это мы с Пестряком, мейстер. – Невинные голубые глаза смотрели на него с некрасивого, увя, лица. Дитя унаследовало квадратную отцовскую челюсть и злосчастные материнские уши, а тут еще последствия серой хвори, едва не уморившей ее в колыбели. Одна щека и сторона шеи у нее омертвела, кожа там растрескалась и лупится, на ощупь словно каменная и вся в черных и серых пятнах. – Пилос сказал, что нам можно посмотреть белого ворона.

– Ну конечно, можно. – Разве он мог в чем-нибудь ей отказать? Ей и так слишком во многом отказано. Ее зовут Ширен, в следующие именины ей исполнится десять лет, и она самый печальный ребенок из всех детей, которых знал мейстер Крессен. «Ее печаль – это мой позор, – думал старик, – еще одна моя неудача». – Мейстер Пилос, сделайте мне одолжение, принесите птицу с вышки для леди Ширен.

– С величайшим удовольствием. – Пилос – учтивый юноша. Ему не больше двадцати пяти, но держится он степенно, как шестидесятилетний. Ему бы чуточку больше юмора, больше *жизни* – вот то, чего здесь недостает. Мрачные места нуждаются в свете, а не в серьезности, Драконий же Камень мрачен как нельзя более: одинокая цитадель, окруженная бурными солеными водами, с дымящейся горой на заднем плане. Мейстер должен ехать, куда его посылают, поэтому Крессен прибыл сюда со своим лордом двенадцать лет назад и служил ему усердно. Но он никогда не любил Драконий Камень, никогда не чувствовал здесь себя по-настоящему дома. В последнее время, пробуждаясь от беспокойных снов, в которых ему являлась красная женщина, он часто не мог сообразить, где находится.

Дурак повернул свою пятнистую плешистую голову, глядя, как Пилос поднимается по крутой железной лестнице на вышку, и его колокольчики зазвенели.

– На дне морском птицы носят чешую, а не перья, – сказал он. – Я знаю, я-то знаю.

Даже для дурака Пестряк являл собой жалкое зрелище. Может быть, когда-то над его шутками и смеялись, но море отняло у него этот дар вместе с доброй половиной рассудка и всей его памятью. Тучный и дряблый, он постоянно дергался, трясся и нес всякий вздор. Теперь он смешил только девочку, и только ей было дело до того, жив он или умер.

Безобразная девочка, печальный шут и старый мейстер в придачу – вот история, способная исторгнуть слезы у любого.

– Посиди со мной, дитя. – Крессен поманил Ширен к себе. – Сейчас совсем еще рано, едва рассвело. Тебе следовало бы сладко спать в своей постельке.

– Мне приснился страшный сон, – сказала ему Ширен. – Про драконов. Они хотели меня съесть.

Девочка мучилась кошмарами, сколько мейстер ее помнил.

– Мы ведь с тобой уже говорили об этом, – сказал он ласково. – Драконы ожить не могут. Они высечены из камня, дитя. В старину наш остров был крайней западной оконечностью владений великой Валирии. Валирийцы возвели эту крепость и создали каменные изваяния с искусством, которое мы давно утратили. Замок, чтобы обороняться, должен иметь башни повсюду, где сходятся под углом две стены. Валирийцы придали башням форму драконов, чтобы сделать крепость более устрашающей, и с той же целью увенчали их тысячью горгулий вместо простых зубцов. – Он взял ее розовую ладошку в свои покрытые старческими пятнами руки и легонько пожал. – Ты сама видишь – бояться нечего.

Но Ширен это не убедило.

– А эта штука на небе? Далла и Матрис разговаривали у колодца, и Далла сказала, что слышала, как красная женщина говорила матушке, что это дракон выдыхает огонь. А если драконы дышат, разве они не могут ожить?

«Уж эта красная женщина, – уныло подумал мейстер. – Мало ей забивать своими бреднями голову матери, она еще и сны дочери должна отравлять. Надо будет поговорить с Даллой построже, внушить ей, чтобы не повторяла подобных историй».

– Огонь на небе – это комета, дитя мое, хвостатая звезда. Скоро она уйдет, и мы больше никогда в жизни ее не увидим. Вот посмотришь.

Ширен храбро кивнула:

– Матушка сказала, что белый ворон извещает о конце лета.

– Это правда, миледи. Белые вороны прилетают только из Цитадели. – Пальцы мейстера легли на его цепь – все ее звенья были выкованы из разных металлов, и каждое символизировало его мастерство в особой отрасли знания. В дни своей гордой юности он носил ее с легкостью, но теперь она тяготила его, и металл холодил кожу. – Они больше и умнее других воронов и носят только самые важные письма. В этом сказано, что Конклав собрался, обсудил наблюдения, сделанные мейстерами по всему государству, и объявил, что долгое лето наконец завершилось. Десять лет, две луны и шестнадцать дней длилось оно – самое длинное на памяти живущих.

– Значит, теперь станет холодно? – Ширен, летнее дитя, не знала, что такое настоящий холод.

– Да, со временем. Быть может, боги по милости своей пошлют нам теплую осень и обильные урожаи, чтобы мы могли подготовиться к зиме. – В народе говорили, что долгое лето предвещает еще более долгую зиму, но мейстер не видел нужды пугать ребенка этими рассказами.

Пестряк звякнул своими колокольцами:

– На дне морском всегда стоит лето. Русалки вплетают водяные цветы в свои косы и носят платья из серебристых водорослей. Я знаю, я-то знаю!

– Я тоже хочу платье из серебристых водорослей, – хихикнула Ширен.

– На дне морском снег идет снизу вверх, а дождь сух, словно кость. Я знаю, уж я-то знаю!

– А у нас тоже будет снег? – спросила девочка.

– Да, будет. – (Хорошо бы он не выпадал еще несколько лет и недолго лежал.) – А вот и Пилос с птицей.

Ширен восторженно вскрикнула. Даже Крессен не мог не признать, что птица имеет внушительный вид: белая как снег, крупнее любого ястреба, с яркими черными глазами – последнее означало, что она не просто альбинос, а настоящий белый ворон, выведенный в Цитадели.

– Ко мне, – позвал мейстер. Ворон расправил крылья, шумно пролетел через комнату и сел на стол перед Крессеном.

– А теперь я займусь вашим завтраком, – сказал Пилос. Крессен, кивнув, сказал ворону:

– Это леди Ширен.

Ворон мотнул головой, будто кланяясь, и каркнул:

– Леди. Леди.

Девочка раскрыла рот:

– Он умеет говорить?

– Всего несколько слов. Я говорил тебе – они умны, эти птицы.

– Умная птица, умный человек, умный-разумный дурак, – сказал шут, побрякивая колокольчиками, и запел: – Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд, – пел он, перескакивая с ноги на ногу. – Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд. – Он кивал на каждом слове, лязгая колокольчиками на своих рогах.

Белый ворон закричал, захлопал крыльями и взлетел на железные перила лестницы, ведущей на вышку. Ширен как будто стала еще меньше.

– Он все время это поет. Я говорила, чтобы он перестал, но он не слушается. Я боюсь. Велите ему замолчать.

«И как же я это сделаю? – подумал старик. – В былое время я заставил бы его замолчать навеки, но теперь...»

Пестряк попал к ним еще мальчишкой. Светлой памяти лорд Стеффон нашел его в Волантисе, за Узким морем. Король – старый король, Эйерис II Таргариен, который в то время не совсем еще лишился рассудка, послал его милость подыскать невесту для принца Рейегара, не имевшего сестер, на которых он мог бы жениться. «Мы нашли великолепного шута, – написал лорд Крессену за две недели до возвращения из своей безуспешной поездки. – Он совсем еще юн, но проворен, как обезьяна, и остер, как дюжина придворных. Он жонглирует, загадывает загадки, показывает фокусы и чудесно поет на четырех языках. Мы выкупили его на свободу и надеемся привезти домой. Роберт будет от него в восторге – быть может, он даже Станниса научит смеяться».

Крессен с грустью вспоминал об этом письме. Никто так и не научил Станниса смеяться, а уж юный Пестряк и подавно. Откуда ни возьмись сорвался шторм, и залив Разбитых кораблей оправдал свое имя. «Горделивая» – двухмачтовая галера лорда Стеффона – разбилась в виду его замка. Двое старших сыновей видели со стены, как море поглотило отцовский корабль. Сто гребцов и матросов потонули вместе с лордом Стеффоном и его леди-женой, и прибой долго еще выносил тела на берег близ Штормового Предела.

Мальчика выбросило на третий день. Мейстер Крессен был при этом – он помогал опознавать мертвых. Шут был гол, вывалян в мокром песке, кожа на его теле побелела и сморщилась. Крессен счел его мертвым, как и всех остальных, но, когда Джомми взял парня за лодыжки и поволок к повозке, тот вдруг выкашлял воду и сел. Джомми до конца своих дней клялся, что Пестряк был холодным, как медуза.

Никто так и не узнал, как провел Пестряк эти два дня. Рыбаки уверяли, что какая-то русалка научила его дышать под водой в обмен на его семя. Сам Пестряк ничего не рассказывал. Шустрый остряк-парнишка, о котором писал лорд Стеффон, так и не добрался до Штормового Предела; вместо него нашли другого человека, сломленного духом и телом, – он и говорил-то с трудом, какие уж там острооты! Но по его лицу сразу было видно, кто он. В Вольном городе Волантисе принято татуировать лица рабов и слуг, и парень ото лба до подбородка был разукрашен в красную и зеленую клетку.

«Бедняга рехнулся, весь изранен и не нужен никому, а меньше всего самому себе, – сказал старый сир Харберт, тогдашний кастелян Штормового Предела. – Милосерднее всего было бы дать ему чашу макового молока. Он уснет, и все его страдания кончатся. Он побла-

годарил бы вас за это, останься у него разум». Но Крессен отказался и в конце концов одержал победу. Впрочем, он не знал, доставила ли его победа хоть сколько-нибудь радости Пестряку – даже и теперь, много лет спустя.

– Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд, – пел дурак, мотая головой и вызывая: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

– Милорд, – прокричал белый ворон. – Милорд, милорд, милорд.

– Дурак поет, что ему в голову взбредет, – сказал мейстер своей напуганной принцессе. – Не надо принимать его слова близко к сердцу. Завтра он, глядишь, вспомнит другую песню, а эту мы больше не услышим. – «Он чудесно поет на четырех языках», – писал лорд Стеффон...

– Прошу прощения, мейстер, – сказал вошедший Пилос.

– Ты забыл про овсянку, – усмехнулся Крессен – это было не похоже на Пилоса.

– Мейстер, ночью вернулся сир Давос. Я услышал об этом на кухне и подумал, что надо тотчас же оповестить вас.

– Давос... ночью, говоришь ты? Где он сейчас?

– У короля. Он почти всю ночь там пробыл.

В прежние годы лорд Станнис велел бы разбудить мейстера в любое время, чтобы испросить его совета.

– Надо было мне сказать, – расстроенно произнес Крессен. – Надо было разбудить меня. – Он выпустил руку Ширен. – Простите, миледи, но я должен поговорить с вашим лордом-отцом. Проводи меня, Пилос. В этом замке чересчур много ступенек, и мне сдается, что они назло мне прибавляются каждую ночь.

Ширен и Пестряк вышли вместе с ними, но девочке скоро надоело приноравливаться к шаркающей походке старика, и она убежала вперед, а дурак с отчаянным трезвоном поскакал за ней.

Замки немилостивы к немощным, Крессен убедился в этом, спускаясь по винтовой лестнице башни Морского Дракона. Лорд Станнис находился в Палате Расписного стола, в верхней части Каменного Барабана, центрального строения Драконьего Камня, – так его прозвали за гул, издаваемый его древними стенами во время шторма. Чтобы добраться до Барабана, нужно пройти по галерее, миновать несколько внутренних стен с их сторожевыми горгульями и черными железными воротами и подняться на столько ступенек, что даже думать об этом не хочется. Молодежь перескакивает через две ступеньки зараз, но для старика с поврежденным бедром каждая из них – сущее мучение. Ну что ж, придется потерпеть, раз лорд Станнис не идет к нему сам. Хорошо еще, что можно опереться на Пилоса.

Ковыляя по галерее, они прошли мимо ряда высоких закругленных окон, выходящих на внешний двор, крепостную стену и рыбацкую деревню за ней. На дворе лучники практиковались в стрельбе по мишеням, и слышались команды: «Наложи, натяни, пускай». Стрелы производили шум стаи взлетающих птиц. По стенам расхаживали часовые, поглядывая между горгульями на войско, стоящее лагерем внизу. В утреннем воздухе плыл дым от костров – три тысячи человек стряпали себе завтрак под знаменами своих лордов. За лагерь стояли на якоре многочисленные корабли. Ни одному судну, прошедшему в виду Драконьего Камня за последние полгода, не позволялось уйти с острова. «Ярость» лорда Станниса, трехпалубная боевая галера на триста весел, казалась маленькой рядом с окружавшими ее пузатыми карраками и коггами.

Часовые у Каменного Барабана знали мейстеров в лицо и пропустили беспрепятственно.

– Подожди меня здесь, – сказал Крессен Пилосу, войдя внутрь. – Будет лучше, если я пойду к нему один.

– Уж очень высоко подниматься, мейстер.

– Думаешь, я сам не помню? – улыбнулся Крессен. – Я так часто взбирался по этим ступенькам, что знаю каждую по имени.

На половине пути он пожалел о своем решении. Остановившись, чтобы перевести дыхание и успокоить боль в ноге, он услышал стук сапог по камню и оказался лицом к лицу с сиром Давосом Сивортом, сходящим навстречу.

Давос был худощав, а его лицо сразу выдавало простолюдина. Поношенный зеленый плащ, выцветший от солнца и соли, покрывал его тощие плечи поверх коричневых, в тон глазам и волосам, дублета и бриджей. На шее висела потертая кожаная ладанка, в бороде густо сквозила седина, перчатка скрывала искаленную левую руку. Увидев Крессена, он приостановился.

– Сир Давос, – спросил мейстер, – когда вы вернулись?

– Еще затемно. В мое излюбленное время.

Говорили, что никто не может провести корабль в темноте хотя бы наполовину так искусно, как Давос Беспалый. До того как лорд Станнис посвятил его в рыцари, он был самым отпетым и неуловимым контрабандистом во всех Семи Королевствах.

– И что же?

Моряк покачал головой:

– Все так, как вы и предсказывали. Они не пойдут с ним, мейстер. Они его не любят.

«И не полюбят, – подумал Крессен. – Он сильный человек, одаренный, даже... даже мудрый, можно сказать, но этого недостаточно. Всегда было недостаточно».

– Вы говорили со всеми из них?

– Со всеми? Нет. Только с теми, что соизволили принять меня. Ко мне они тоже не питают любви, эти благородные господа. Для них я всегда буду Луковым Рыцарем. – Короткие пальцы левой руки Давоса сжались в кулак; Станнис велел обрубить их на один сустав, все, кроме большого. – Я разделил трапезу с Джулианом Сванном и старым Пенрозом, а Тарты встретились со мной ночью, в роще. Что до других, то Берик Дондаррион то ли пропал без вести, то ли погиб, а лорд Карон поступил на службу к Ренли. В Радужной гвардии он теперь зовется Брайсом Оранжевым.

– В Радужной гвардии?

– Ренли учредил собственную Королевскую гвардию, – пояснил бывший контрабандист, – но его семеро носят не белое, а все цвета радуги, каждый свой цвет. Их лорд-командующий – Лорас Тирелл.

Очень похоже на Ренли Баратеона: основать новый блестящий рыцарский орден в великолепных ярких одеждах. Еще мальчишкой он любил яркие краски, богатые ткани и постоянно придумывал новые игры. «Смотрите! – кричал он, бывало, бегая со смехом по чертогам Штормового Предела. – Смотрите, я дракон», или: «Смотрите, я колдун», или: «Смотрите-смотрите, я бог дождя».

Резвый мальчик с буйной гривой черных волос и веселыми глазами теперь вырос – ему двадцать один год, но он продолжает играть в свои игры. «Смотрите, я король, – печально подумал Крессен. Ох, Ренли, Ренли, милое дитя, знаешь ли ты, что делаешь? А если бы и знал – есть ли кому до тебя дело, кроме меня?»

– Чем объясняли лорды свой отказ? – спросил он сира Давоса.

– Это все делали по-разному – кто деликатно, кто напрямик, кто извинялся, кто обещал, кто попросту врал. Да что такое слова, в конце концов? – пожал плечами Давос.

– Неутешительные же вести вы ему привезли.

– Что поделаешь. Я не стал обманывать его ложными надеждами – сказал все начистоту.

Мейстер Крессен вспомнил, как посвятили Давоса в рыцари после снятия осады Штормового Предела. Лорд Станнис с небольшим гарнизоном около года удерживал замок, сра-

жаясь против многочисленного войска лордов Тирелла и Редвина. Защитники были отрезаны даже от моря – его днем и ночью стерегли галеи Редвина под винно-красными флагами Арбора. Всех лошадей, собак и кошек в Штормовом Пределе давно уже съели – настала очередь крыс и кореньев. Но однажды в ночь новолуния черные тучи затянули небо, и контрабандист Давос под их покровом пробрался мимо кордонов Редвина и скал залива Разбитых кораблей. Трюм его черного суденышка с черными парусами и черными веслами был набит луком и соленой рыбой. Как ни мал был этот груз, он позволил гарнизону продержаться до подхода к Штормовому Пределу Эддарда Старка, прорвавшего осаду.

Лорд Станнис пожаловал Давосу тучные земли на Мысе Гнева, маленький замок и рыцарское звание... но приказал отрубить суставы на пальцах его левой руки в уплату за многолетние бесчинства. Давос подчинился, но с условием, что Станнис сделает это сам, отказываясь претерпеть такую кару от человека более низкого звания. Лорд воспользовался тесаком мясника, чтобы исполнить свою задачу вернее и чище. Давос выбрал для своего вновь учрежденного дома имя Сиворт¹, а гербом – черный корабль на бледно-сером поле, с луковицей на парусах. Бывший контрабандист любил говорить, что лорд Станнис оказал ему благодеяние – теперь ему на четыре ногтя меньше приходится чистить и стричь.

«Нет, – думал Крессен, – такой человек не станет подавать ложных надежд, не станет смягчать горькую правду».

– Сир Давос, истина может стать тяжким ударом даже для такого человека, как лорд Станнис. Он только и думает о том, как вернется в Королевскую Гавань во всем своем могуществе, сокрушит своих врагов и возьмет то, что принадлежит ему по праву. А теперь...

– Если он двинется с этим жалким войском на Королевскую Гавань, то обречет себя на погибель. Не с таким числом туда выступать. Я ему так и сказал, но вы ведь знаете, как он горд. Скорее мои пальцы отрастут заново, чем этот человек прислушается к голосу рассудка.

Старик вздохнул.

– Вы сделали все, что могли. Теперь я должен присоединить свой голос к вашему. – И он устало возобновил свое восхождение.

Лорд Станнис Баратеон занимался делами в большой круглой комнате со стенами из голого черного камня и четырьмя узкими высокими окнами, выходящими на четыре стороны света. В центре ее стоял стол, от которого и происходило ее название, – массивная деревянная колода, вырубленная и обработанная по велению Эйгона Таргариена еще до Завоевания. Расписной стол имел более пятидесяти футов в длину, половину этого в самом широком месте и менее четырех футов в самом узком. Столяры Эйгона вытесали его в виде карты Вестероса, старательно выпилив по краям все мысы и заливы. На его поверхности, покрытой потемневшим за триста лет лаком, были изображены Семь Королевств времен Эйгона: реки и горы, города и замки, леса и озера.

Единственный в комнате стул стоял в точности на том месте, которое занимал Драконий Камень у побережья Вестероса, и был слегка приподнят для лучшего обзора карты. На нем сидел человек в туго зашнурованном кожаном колете и бриджах из грубой бурой шерсти. Когда мастер вошел, он поднял голову.

– Я знал, что ты придешь, старик, даже и незванный. – В его голосе не было тепла – ни сейчас, да, впрочем, и почти никогда.

Станнис Баратеон, лорд Драконьего Камня и милостью богов законный наследник Железного трона Семи Королевств, был человеком плечистым и жилистым. Его лицо и тело было покрыто кожей, выдубленной на солнце и ставшей твердой как сталь. Жесткий – этим словом люди описывали его, и он действительно был таковым. Ему еще не исполнилось тридцати пяти, но он уже сильно облысел, и остатки черных волос окаймляли его голову

¹ Это можно перевести как «Достойный моря».

за ушами словно тень короны. Его брат, покойный король Роберт, в свои последние годы отпустил бороду. Мейстер Крессен не видел его с бородой, но говорили, что это была буйная поросль, густая и косматая. Станнис, будто наперекор брату, стриг свои бакенбарды коротко, и они иссиня-черными пятнами пролегли вдоль его впалых щек к прямоугольной челюсти. Глаза под тяжелыми бровями казались открытыми ранами – темно-синие, как ночное море. Рот его привел бы в отчаяние самого забавного из шутов: со своими бледными, плотно сжатыми губами он был создан для суровых слов и резких команд – этот рот забыл об улыбке, а смеха и вовсе не знал. Иногда по ночам, когда мир затихал, мейстеру Крессену чудилось, будто он слышит, как лорд Станнис скрипит зубами на другой половине замка.

– В прежние времена вы бы меня разбудили, – сказал старик.

– В прежние времена ты был молод. Теперь ты стар, немощен и нуждаешься в сне. – Станнис так и не научился смягчать свои речи, притворяться или льстить: он говорил то, что думал, и ему не было дела, нравится это другим или нет. – Ты уже знаешь, конечно, что сказал мне Давос. Ты всегда все знаешь, так ведь?

– От меня было бы мало пользы, если бы я чего-то не знал. Я встретил Давоса на лестнице.

– И он, полагаю, выложил тебе все как есть? Лучше бы я обрезал ему язык вместе с пальцами.

– Плохой посланник получился бы из него тогда.

– Да и сейчас не лучше. Штормовые лорды не желают принимать мою сторону. Я им, как видно, не по нраву, а то, что дело мое правое, для них ничего не значит. Трусливые отсиживаются за своими стенами и ждут, куда ветер подует и кто вернее одержит победу. Те, что посмелее, уже примкнули к Ренли. *К Ренли!* – Он выплюнул это имя так, будто оно жгло ему язык.

– Ваш брат был лордом Штормового Предела последние тринадцать лет. Эти лорды – присягнувшие ему знаменосцы...

– Ему, – прервал его Станнис. – Хотя по правилам должны были бы присягнуть мне. Я не напрашивался на Драконий Камень. Он мне даром не был нужен. Я прибыл сюда, потому что здесь гнездились враги Роберта, и он приказал мне искоренить их. Я построил для него флот и делал за него его работу, как преданный младший брат, и Ренли должен был выказать такую же преданность мне. Ну и как же Роберт меня отблагодарил? Сделал меня лордом Драконьего Камня, а Штормовой Предел со всеми его доходами отдал Ренли. Баратеоны сидят в Штормовом Пределе уже триста лет, и он по праву должен был перейти ко мне, когда Роберт занял Железный трон.

Эту старую обиду Станнис всегда чувствовал остро, а теперь и подавно. Его нынешние трудности проистекали как раз отсюда, ибо Драконий Камень, при всей своей древности и мощи, властвовал лишь над горсткой местных островных лордов, чьи владения были слишком скудно заселены, чтобы дать Станнису потребное количество воинов. Даже вместе с наемниками, прибывшими к нему из-за Узкого моря, из вольных городов Мира и Лиса, войско за стенами замка было слишком мало, чтобы свергнуть дом Ланнистеров.

– Возможно, Роберт поступил с вами несправедливо, – осторожно ответил мейстер, – но он имел на то веские причины. Драконий Камень долго был оплотом дома Таргариенов. Роберту нужен был сильный муж, чтобы править здесь, а Ренли тогда еще не вышел из детского возраста.

– Он и до сих пор из него не вышел. – Голос Станниса гневно раскатывался по пустому покою. – Это вороватый ребенок, который полагает, что сумеет сдернуть корону у меня с головы. Что он сделал такого, чтобы заслужить трон? В совете он перешучивался с Мизинцем, а на турнирах облачался в свои великолепные доспехи и позволял вышибать себя из

седла тем, кто сильнее. Вот и все, что можно сказать о моем брате Ренли, который возомнил себя королем. Я спрашиваю тебя, за что боги наказали меня такими братьями?

– Я не могу отвечать за богов.

– Мне сдается, последнее время у тебя и вовсе ни на что нет ответов. Как зовут мейстера Ренли? Не послать ли мне за ним – авось он лучше посоветует. Как ты думаешь, что сказал этот мейстер, когда мой брат вознамерился украсть у меня корону? Какой совет дал твой собрат моему изменнику-родичу?

– Меня удивило бы, если бы лорд Ренли спросил чьего-то совета, ваша милость. – Младший из трех сыновей лорда Стеффона вырос смелым, но бесшабашным, предпочитающим действовать внезапно, а не по зрелом размышлении. В этом, как и во многом другом, он был похож на своего брата Роберта и совсем не походил на Станниса.

– Ваша милость!.. – передразнил Станнис. – Ты величаешь меня королевским титулом, но где оно, мое королевство? Драконий Камень да несколько скал в Узком море, вот и все. – Он спустился с возвышения, на котором сидел, и его тень на столе скользнула по реке Черноводной и лесу, где стояла теперь Королевская Гавань. Страна, которую он намеревался взять в свои руки, лежала перед ним – такая близкая и такая недостижимая. – Нынче вечером я даю ужин моим лордам-знаменосцам, каким ни на есть: Селтигару, Велариону, Бар-Эммону – всей честной компании. Скучный выбор, по правде сказать, но что поделаешь – других мне братья не оставили. Этот лиснийский пират Салладор Саан тоже будет там и предъявит мне новый счет, Морош-мириец начнет стращать меня течениями и осенними штормами, а лорд Сангласс благочестиво сошлется на волю Семерых. Селтигар захочет знать, когда к нам присоединятся штормовые лорды. Веларион пригрозит увести своих людей домой, если мы не выступим незамедлительно. И что же я им скажу? Что мне теперь делать?

– Истинные ваши враги – это Ланнистеры, милорд. Если бы вы с братом выступили против них совместно...

– Я не стану договариваться с Ренли, – отрезал Станнис тоном, не допускающим возражений. – Во всяком случае, пока он именует себя королем.

– Хорошо, тогда не с Ренли, – уступил мейстер. Его господин упрям и горд – уж если он решил что-то, его не отговоришь. – Есть и другие, кроме него. Сына Эддарда Старка провозгласили Королем Севера, и за ним стоит вся мощь Винтерфелла и Риверрана.

– Зеленый юнец и еще один самозванный король. Прикажешь мне поощрять раздробление моего королевства?

– Полкоролевства все-таки лучше, чем ничего, – и если вы поможете мальчику отомстить за отца...

– С какой стати мне мстить за Эддарда Старка? Он для меня пустое место. Вот Роберт – Роберт его любил. Любил как брата, о чем мне неоднократно доводилось слышать. Его братом был я, а не Нед Старк, но никто не сказал бы этого, видя, как он со мной обходится. Я отстоял для него Штормовой Предел – мои люди голодали, пока Мейс Тирелл и Пакстер Редвин пировали под нашими стенами. И что же, отблагодарил меня Роберт? Нет. Он отблагодарил Старка – за то, что снял осаду, когда мы уже перешли на крысы и корни. По приказанию Роберта я построил флот, я правил Драконьим Камнем от его имени. И что же – может быть, он взял меня за руку и сказал: «Молодчина, брат, что бы я без тебя делал?» Нет – он обругал меня за то, что я позволил Виллему Дарри увезти с острова Визериса и малютку, точно я мог этому помешать. Я заседал в его совете пятнадцать лет, помогая Аррену править государством, пока Роберт пил и распутничал, но, когда Джон умер, разве брат назначил меня своей десницей? Нет, он поскакал к своему милому другу Неду Старку и предложил эту честь ему. Да только добра это им обоим не принесло.

– Все так, милорд, – мягко сказал мейстер. – Вы видели много обид, но стоит ли помнить прошлое? Будущее еще может улыбнуться вам, если вы объединитесь со Старками.

Можно также подумать и о других. Что вы скажете о леди Аррен? Если королева убила ее мужа, она наверняка захочет добиться справедливости. У нее есть маленький сын, наследник Джона Аррена. Если обручить его с Ширен...

– Он слабый и хворый мальчуган, – возразил лорд Станнис. – Даже его отец признавал это, когда просил взять его на Драконий Камень. Служба в пажах могла бы пойти ему на пользу, но проклятая Ланнистерша отравила лорда Аррена, прежде чем тот успел это осуществить, и теперь Лиза прячет мальчика в Орлином Гнезде. Она с ним ни за что не расстанется, ручаюсь тебе.

– Тогда пошлите Ширен в Гнездо. Драконий Камень – слишком мрачное место для ребенка. Отправьте с ней ее дурака, чтобы рядом было знакомое лицо.

– Хорошо лицо, хоть и знакомое – не налюбуйтесь. – Станнис нахмурился, размышляя. – Впрочем... попытаться, пожалуй, стоит...

– Значит, законный правитель Семи Королевств должен обращаться за помощью к вдовам и узурпаторам? – спросил резкий женский голос с порога.

Мейстер, обернувшись, склонил голову.

– Миледи, – произнес он, удрученный тем, что не слышал, как она вошла.

– Я ни к кому не обращаюсь за помощью, – хмуро ответил Станнис. – Запомни это, женщина.

– Рада это слышать, милорд. – Леди Селиса была ростом со своего мужа, худощавая и худолыцая, с торчащими ушами, острым носом и усиками на верхней губе. Она выщипывала их ежедневно и проклинала не реже, но они неизменно отрастали заново. У нее были блеклые глаза, суровый рот, а голос хлестал точно кнут. – Леди Аррен – ваш вассал, так же как Старки, ваш брат Ренли и все остальные. Вы их единственный законный король. Не пристало вам просить их заключать с ними сделки, дабы получить то, что бог вручил вам по праву.

Она сказала «бог», а не «боги». Красная женщина опутала ее душу, отвратив от богов Семи Королевств, и старых и новых, ради того единственного, который зовется Владыкой Света.

– Твой бог может оставить свои дары при себе, – сказал лорд Станнис, не разделявший пыла своей новообращенной супруги. – Мне нужны мечи, а не его благословения. У тебя, часом, нигде не припрятано войска? – В его голосе не было нежности. Станнис никогда не умел обращаться с женщинами, даже с собственной женой. Отправившись в Королевскую Гавань, чтобы заседать в совете Роберта, он оставил Селису с дочерью на Драконьем Камне. Писал он ей редко, а навещал еще реже; свой супружеский долг он выполнял пару раз в год, не находя в этом никакого удовольствия, и сыновья, на которых он надеялся, так и не появились на свет.

– Войска есть у моих братьев, дядьев и кузенов, – ответила Селиса. – Весь дом Флорентов встанет под ваше знамя.

– Дом Флорентов способен выставить от силы две тысячи мечей. – Говорили, что Станнис знает, какими силами располагает каждый дом Семи Королевств. – И я бы не стал так уж полагаться на ваших братьев и дядей, миледи. Земли Флорентов чересчур близко к Хайгардену, чтобы ваш лорд-дядя рискнул навлечь на себя гнев Мейса Тирелла.

– Помощь придет не только от них. – Леди Селиса подошла поближе. – Посмотрите в ваши окна, милорд. Вот он пылает на небе – знак, которого вы ждали. Он рдеет как пламя, как огненное сердце истинного бога. Это Его знамя – и ваше! Смотрите: зарево ширится по небу, как горячее дыхание дракона, а ведь вы – лорд Драконьего Камня. Это означает, что ваше время пришло. Не может быть знака вернее! Вам суждено отплыть с этой угрюмой скалы, как некогда сделал Эйегон Завоеватель, и покорить всех, кто противостоит вам, как покорил он. Скажите лишь слово – и вся сила Владыки Света будет вашей.

– И сколько же мечей даст мне твой Владыка Света?

– Столько, сколько вам будет нужно. Для начала – все мечи Штормового Предела, Хайгардена и их лордов-знаменосцев.

– Давос убедит тебя в обратном. Они все присягнули Ренли. Они любят моего дражайшего младшего брата, как любили Роберта... и как никогда не любили меня.

– Да, – ответила она. – Но если бы Ренли умер...

Станнис, прищутив глаза, воззрился на свою леди, и Крессен не сдержал языка.

– Не пристало вам думать об этом, ваша милость, какие бы глупости Ренли ни натворил...

– Глупости? Я называю это изменой. – Станнис повернулся к своей жене. – Мой брат молод и крепок, и его окружает огромное войско вкупе с этими его радужными рыцарями.

– Мелисандра видела в пламени его смерть.

– Братоубийство – это страшное злодеяние, милорд, – произнес пораженный ужасом Крессен. – Прошу вас, послушайте меня...

Леди Селиса смерила его взглядом:

– И что же вы ему скажете, мейстер? Посоветуете удовольствоваться половиной королевства, преклонив колени перед Старками и продав нашу дочь Лизе Аррен?

– Я уже слушал тебя, Крессен, – сказал Станнис. – Теперь я послушаю ее. Ты свободен.

Мейстер с трудом преклонил колено и заковылял прочь из комнаты, чувствуя спиной взгляд леди Селисы. Спустившись с лестницы, он уже едва держался на ногах.

– Помогите мне, – сказал он Пилосу.

Благополучно вернувшись к себе, он отпустил молодого мейстера и снова вышел на балкон, глядя на море между двух горгулий. Один из боевых кораблей Салладора Саана с яркими полосатыми бортами шел мимо замка по серо-зеленым волнам, мерно работая веслами. Крессен смотрел на него, пока тот не скрылся за мысом. Если бы его страхи могли исчезнуть столь же легко! Подумать только, до чего он дожил...

Мейстер, возлагая на себя свою цепь, отказывается от надежды иметь детей, но Крессен знал, что такое отцовские чувства. Роберт, Станнис, Ренли... трех сыновей он вырастил после того, как гневное море взяло к себе лорда Стеффона. Неужели он так дурно выполнил свою задачу, что теперь принужден будет смотреть, как один из них убивает другого? Нет, он не может этого допустить – и не допустит.

Все это – дело рук женщины. Не леди Селисы, а той, другой. Красной женщины, как зовут ее слуги, боясь поминать ее имя.

– Ну, я-то не побоюсь его назвать, – сказал мейстер каменной собаке. – Мелисандра. – Мелисандра из Асшая, колдунья, заклинательница теней и жрица Рглора, Владыки Света, Пламенного Сердца, Бога Огня и Тени. Надо остановить безумие, ползущее от нее по Драконьему Камню.

После ясного утра комната показалась мейстеру темной и мрачной. Старик дрожащими руками зажег свечу и прошел в свой кабинет под вороньей вышкой, где ровными рядами стояли на полках мази, настои и прочие снадобья. Мейстер отыскал за глиняными кувшинчиками на нижней полке флакон синего стекла не больше его мизинца, встряхнул его, и внутри что-то загремело. Тяжело опустившись на стул, Крессен сдул с флакона пыль и высыпал на стол его содержимое. На пергамент упало около дюжины мелких кристалликов. При свете свечи они сверкали, как драгоценные камни, и мейстеру подумалось, что он никогда еще не видел лилового цвета такой чистоты и яркости.

Цепь у него на шее стала вдруг очень тяжелой. Он потрогал один из кристаллов кончиком мизинца. Такой крошечный – а между тем имеет власть над жизнью и смертью. Их делают из одного растения, которое встречается только на островах Нефритового моря, на другом конце света. Подсушенные листья замачивают в растворе извести, сахара и кое-каких редких специй с Летних островов. После листья выбрасывают, а в настой для густоты добав-

ляют золу и дают ему кристаллизоваться. Дело это долгое и трудоемкое, составляющие части дороги, и достать их нелегко. Но алхимики из Лиса знают этот секрет, и Безликие из Браавоса... да и мастера тоже, хотя в стенах Цитадели об этом говорить не любят. Всем известно, что мастер получает серебряное звено в своей цепи, если овладевает искусством врачевания, – но люди предпочитают не помнить, что умеющий врачевать умеет также и убивать.

Крессен забыл, как называется это растение в Асшае или кристаллы в Лисе. В Цитадели это средство звалось попросту «душителю». Если растворить такой кристалл в вине, шейные мускулы человека сожмутся крепче, чем кулак, стиснув гортань. Говорят, лицо жертвы становится таким же лиловым, как маленькое кристаллическое семечко, из которого произросла смерть, – но с человеком, подавившимся за едой, происходит то же самое.

А нынче вечером лорд Станнис дает пир своим знаменосцам, где будет его леди-жена... и красная женщина, Мелисандра из Асшая.

«Надо отдохнуть, – сказал себе мастер Крессен. – Когда стемнеет, мне понадобятся все мои силы. Мои руки не должны трястись, и мужество не должно меня оставить. Страшное дело я задумал, но оно должно быть сделано. Если боги есть, они простят меня, я уверен». Он мало спал последние дни – короткий сон подкрепит его для предстоящего испытания. Мастер устало добрал до постели, но и с закрытыми глазами продолжал видеть комету, неистово красную в сумраке его снов. «Быть может, это моя комета», – подумал он, уже засыпая. Кровавая звезда, предвещающая убийство... да...

Когда он проснулся, в опочивальне было темным-темно, и все суставы в его теле ныли. Крессен сел, нашарил свою клюку и с тяжелой головой встал. «Уже поздно, – подумал он, – но меня не позвали на ужин». Прежде его всегда звали на пиры, и сидел он рядом с солонкой, близ лорда Станниса. Лицо Станниса всплыло перед его внутренним взором – лицо не мужчины, а мальчика, которым тот был когда-то – ребенком, ежащимся в тени, в то время как все солнце доставалось его брату. Что бы он ни делал, Роберт делал это лучше и быстрее. Бедный мальчик... нужно поспешить, для его же блага.

Мастер нашел кристаллы там, где их оставил, и собрал их с пергамента. У него не было полого кольца, какими, как говорят, пользуются лисские отравители, но в широких рукавах его мантии имелось множество больших и малых карманов. Мастер спрятал кристаллы душителя в один из них, открыл дверь и позвал:

– Пилос! Где ты? – Не дождавшись ответа, он позвал снова, погромче: – Пилос, мне нужна твоя помощь. – Ответа по-прежнему не было. Странно: каморка молодого мастера находилась всего на один пролет ниже, и он должен был слышать.

В конце концов Крессен кликнул слуг и сказал им:

– Поторопитесь. Я слишком долго проспал. Должно быть, они уже пируют, едят и пьют... надо было меня разбудить. – Что же случилось с мастером Пилосом? Старик ничего не мог понять.

Он снова прошел по длинной галерее. Ночной ветер, пахнувший морем, проникал в большие окна. Факелы мигали на стенах Драконьего Камня, а в лагере горели сотни костров, точно звездное небо упало на землю. Вверху пылала красным огнем зловещая комета. Ты слишком стар и мудр, чтобы бояться таких вещей, сказал себе мастер.

Двери Большого чертога были вделаны в пасть каменного дракона. У входа мастер отпустил слуг. Ему лучше войти одному, чтобы не показаться слабым. Тяжело опираясь на клюку, он взобрался на последние несколько ступеней и прошел под каменными зубами. Двое часовых распахнули перед ним высокие красные двери, и навстречу хлынули шум и свет. Крессен вступил в пасть дракона.

За стуком ножей о тарелки и гулом голосов слышалось пение Пестряка: «...да, милорд, да, милорд», и звенели его колокольчики. Та же жуткая песня, которую он пел нынче утром.

«Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд». За нижними столами рыцари, лучники и наемные капитаны разламывали ковриги черного хлеба, макая его в рыбную похлебку. Здесь не было ни громкого смеха, ни непристойных возгласов, обычных на пирах, – лорд Станнис такого не допускал.

Крессен направился к помосту, где сидели лорды с королем. По дороге ему пришлось обойти Пестряка. Пляшущий шут за своим трезвоном не видел и не слышал мастера. Перескакивая с ноги на ногу, он налетел на старика, вышиб у него клюку, и оба рухнули на пол. Вокруг поднялся хохот. Зрелище получилось смешное, спору нет.

Дурак прижался своей пестрой рожой к самому лицу Крессена, потеряв свой жестяной колпак с рогами и колокольцами.

– А на дне морском ты падаешь вверх, – объявил он. – Я знаю, я-то знаю. – Он со смехом вскочил на ноги и снова заплясал.

Мейстер, стараясь не усугублять своего смешного положения, слабо улыбнулся и попытался встать, но в бедре так стрельнуло, что старик испугался, не сломал ли его снова. Чьи-то сильные руки подхватили его под мышки и поставили на ноги.

– Благодарю вас, сир, – пробормотал он и обернулся посмотреть, кто из рыцарей пришел к нему на помощь.

– Нужно быть осторожнее, мейстер, – сказала леди Мелисандра низким голосом, отдающим музыкой Нефритового моря. Как всегда, она была в красном с головы до пят. Просторное платье из огненного шелка с прорезями на рукавах и лифе открывало более темную кроваво-красную ткань внизу. Цепь червонного золота на шее, еще туже мейстерской, украшал единственный большой рубин. Волосы ее были не такие, как обычно бывают у рыжих, – они имели цвет полированной меди и ярко блестели при свете факелов. Даже глаза у нее были красные... зато кожа, безупречно гладкая, без единого изъяна, светилась молочной белизной. Стройная женщина, грациозная, выше большинства рыцарей, полногрудая, с тонкой талией и сердцевидным лицом. Мужские взоры подолгу задерживались на ней, и мастера не были исключением. Многие находили ее красавицей. Но она не была красивой. Красной была она – ужасающей и красной.

– Б-благодарю вас, миледи.

– Человек вашего возраста должен смотреть, куда идет. Ночь темна и полна ужасов.

Это слова из ее молитвы, вспомнил мейстер. «Ничего, у меня своя вера», – подумал он и сказал ей:

– Только дети боятся темноты. – Но не успел он это произнести, Пестряк снова завел свою песню:

– Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд.

– Вот вам и загадка, – сказала Мелисандра. – Умный дурак и глупый мудрец. – Она подобрала с пола колпак Пестряка и нахлобучила его на голову Крессену. Колокольчики тихо зазвенели. – Корона под стать вашей цепи, лорд мейстер. – Мужчины за столами смеялись.

Крессен, сжав губы, попытался побороть свою ярость. Она думает, что он слаб и беспомощен, но еще до конца ночи она убедится в обратном. Стар он или нет, он остается мейстером Цитадели.

– Мне не нужно иной короны, кроме истины, – сказал он, снимая дурацкий колпак с головы.

– В этом мире есть истины, которым не учат в Староместе. – Мелисандра отвернулась от него, взметнув красными шелками, и вернулась за высокий стол, где сидел король Станнис со своей королевой. Мейстер отдал рогатый колпак Пестряку и последовал за ней.

На его месте сидел Пилос.

Старик уставился на него и наконец произнес:

– Мейстер Пилос, вы... вы не разбудили меня.

– Его милость приказал вас не тревожить. – У Пилосахватило совести покраснеть. – Он сказал, что вы ему здесь не понадобится.

Крессен оглядел рыцарей, капитанов и лордов. Вот пожилой и унылый лорд Селтигар в мантии, расшитой красными крабами. Вот красивый лорд Веларион в шелке цвета морской волны – белый с золотом морской конек у него на шее хорошо подходит к его длинным светлым волосам. Лорд Бар-Эммон, толстый четырнадцатилетний юнец, запеленат в лиловый бархат, подбитый мехом белого тюленя. Сир Акселл Флорент не стал красивее даже в пышном красновато-коричневом наряде с лисьим мехом, набожный лорд Сангласс носит лунные камни на шее, запястьях и пальцах, лисский капитан Салладор Саан блещет красным атласом, золотом и камнями. Только сир Давос одет просто, в бурый дублет и зеленую шерстяную мантию, и только сир Давос смотрит на него с жалостью.

– Ты слишком стар и бестолков, чтобы быть мне полезным. – Похоже на голос лорда Станниса – но нет, не может этого быть. – Отныне моим советником будет Пилос. Он уже занимается воронами, поскольку ты больше не можешь взбираться на вышку. Я не допущу, чтобы ты уморил себя у меня на службе.

Мейстер Крессен заморгал. «Станнис, мой лорд, мой грустный угрюмый мальчик, не делай этого. Разве ты не знаешь, как я заботился о тебе, жил ради тебя, любил тебя, несмотря ни на что? Да, любил, больше, чем Роберта или Ренли, ибо ты был нелюбимым ребенком и больше всех нуждался во мне».

– Как вам будет угодно, милорд, – сказал Крессен вслух, – но я... я голоден. Позволено ли мне будет занять место за вашим столом? – (Рядом с тобой, где я сидел всегда...)

Сир Давос поднялся со скамьи:

– Мейстер окажет мне честь, если сядет рядом со мной, ваша милость.

– Дело твое. – Станнис отвернулся и сказал что-то Мелисандре, сидевшей на почетном месте, по правую руку от него. Леди Селиса сидела по левую руку, и ее улыбка не уступала блеском ее драгоценностям.

«Слишком далеко, – уныло подумал Крессен, глядя туда, где сидел сир Давос. – Добрая половина лордов-знаменосцев отделяет контрабандиста от высокого стола. Надо сесть поближе к ней, если я хочу бросить душителя в ее чашу, но как?»

Пестряк скакал вокруг мейстера, пока тот совершал свой медленный путь вокруг стола к Давосу Сиворту.

– Здесь мы едим рыбу, – весело сообщил шут, размахивая своим дурацким жезлом, – а на дне морском рыбы едят нас. Я знаю, я-то знаю.

Сир Давос подвинулся, освобождая место на скамье.

– Нам всем бы сегодня следовало облачиться в дурацкий наряд, – проворчал он, когда мейстер сел рядом, – потому что мы собираемся свалить большого дурака. Красная женщина углядела в пламени победу, и Станнис вознамерился действовать, невзирая на то, сколько нас. Боюсь, что еще до конца этой затеи мы все увидим то, что повидал Пестряк, – морское дно.

Крессен спрятал руки в рукавах, как будто для того, чтобы погреть их, и нащупал кристаллы под шерстью.

– Лорд Станнис.

Станнис повернулся к нему, но первой ответила леди Селиса:

– *Король* Станнис. Вы забываетесь, мейстер.

– Он стар и слабеет разумом, – ворчливо сказал ей король. – В чем дело, Крессен? Говори.

– Если вы собираетесь выйти в море, вам необходимо объединиться с лордом Старком или леди Аррен...

– Я ни с кем не намерен объединяться.

– Не более, чем свет объединяется с тьмой. – Леди Селиса взяла мужа за руку.

Станнис кивнул:

– Старки хотят украсть половину моего королевства – как Ланнистеры украли мой трон, а мой родной братец – крепости и мечи, принадлежащие мне по праву. Все они узурпаторы и враги мне.

«Я потерял его», – в отчаянии подумал Крессен. Если бы можно было как-нибудь незаметно подобраться к Мелисандре и к ее чаше... всего на один миг.

– Вы законный наследник вашего брата Роберта, истинный государь Семи Королевств, король андалов, ройнаров и Первых людей, – отважно произнес мейстер, – но при всем при том не можете надеяться на победу, не имея союзников.

– У него есть союзник, – заявила леди Селиса. – Рглор, Владыка Света, Пламенное Сердце, Бог Огня и Тени.

– Боги – союзники в лучшем случае ненадежные, – не уступал старик, – а этот здесь и вовсе бессилён.

– Вы так думаете? – Леди Мелисандра повернула голову, и ее рубин сверкнул, став на миг ярким, как комета. – За такие умные речи вас следует снова увенчать вашей короной.

– Да, – согласилась леди Селиса, – короной Пестряка. Она тебе в самый раз, старик. Надень ее снова. Я приказываю.

– На дне морском головных уборов не носят, – вмешался Пестряк. – Я знаю, я-то знаю.

Лорд Станнис насупил свои тяжелые брови и стиснул зубы, молча двигая челюстью. Он всегда стискивал зубы, когда сердился.

– Дурак, – сказал он наконец, – исполни приказ моей леди-жены. Отдай Крессену свой колпак.

«Нет, – подумал старый мейстер. – Ты не мог сказать такого. Ты всегда был справедлив и при всей своей суровости никогда не был жестоким. Ты ни над кем не насмеялся – ведь ты не знаешь, что такое смех».

Пестряк запрыгал к нему, звеня колокольчиками: динь-дон, клинь-клон, бим-бом-бом. Мейстер сидел молча, пока дурак надевал свой рогатый колпак ему на лоб. Его голова поникла под тяжестью жестяной шапки, и колокольчики звякнули.

– Пусть теперь поет, когда захочет дать совет, – сказала леди Селиса.

– Ты заходишь слишком далеко, женщина, – ответил лорд Станнис. – Он старый человек и хорошо служил мне.

«И буду служить до самого конца, мой милый лорд, мой бедный одинокий сын». Крессен внезапно понял, как ему быть. Чаша сира Давоса стояла перед ним, наполовину полная красным вином. Мейстер нашел в рукаве кристаллик, зажал его между большим и указательным пальцами и протянул руку к чаше. Только бы сделать это плавно, ловко, без суеты, взмолился он – и боги вняли его мольбе. В один миг его пальцы опустели. Уже много лет его рука не была столь твердой и легкой. Давос видел, но мейстер мог поручиться, что больше никто не заметил. Крессен встал, держа чашу в руке.

– Пожалуй, я и впрямь вел себя как дурак. Не хотите ли разделить со мной чашу вина, леди Мелисандра? В честь вашего бога, Владыки Света? В знак его могущества?

Красная женщина испытующе посмотрела на него.

– Извольте.

Мейстер чувствовал, что все взоры устремлены на него. Когда он перелез через скамью, Давос ухватил его за рукав пальцами, обрубленными лордом Станнисом, и шепнул:

– Что вы делаете?

– То, что должно быть сделано, – ответил ему Крессен, – ради нашей державы и души моего господина. – Он оторвал от себя руку Давоса, пролив немного вина на устланный тростником пол.

Женщина спустилась с помоста навстречу ему. Все смотрели на них, но Крессен видел только ее. Красный шелк, красные глаза, красный рубин на шее, красные губы приоткрыты в легкой улыбке. Она накрыла его руку, держащую чашу, своей, горячей, точно от лихорадки.

– Еще не поздно вылить все вино, мейстер.

– Нет, – прошептал он хрипло. – Нет.

– Ну, как угодно. – Мелисандра Асшайская взяла чашу из его рук и сделала долгий, глубокий глоток. Когда она вернула чашу Крессену, вина осталось совсем немного. – А теперь вы.

Его руки тряслись, но он заставил себя быть сильным. Мейстер из Цитадели ничего не должен бояться. Вино было кислое. Он выпустил пустую чашу из рук, она упала на пол и разбилась.

– Он имеет силу и здесь, милорд, – сказала женщина. – А огонь очищает. – Рубин у нее на шее мерцал красным светом.

Крессен хотел ответить, но слова застряли у него в горле. Кашель, одолевший его при попытке хлебнуть воздуха, перешел в тонкий свист, и железные пальцы стиснули его горло. Но даже упав на колени, он продолжал трясти головой, отрицая ее силу, отрицая ее магию, отрицая ее бога. «Дурак, дурак, дурак», – прозвенели колокольчики на рогах колпака, а красная женщина смотрела на него с жалостью, и пламя свечей плясало в ее красных, красных глазах.

Арья

В Винтерфелле ее прозвали Арья-лошадка, и она думала, что хуже этой клички ничего не может быть, пока Ломми Зеленые Руки не нарек ее Вороньим Гнездом.

Трогая свою голову, она сознавала, что это имя ей дали не напрасно. Когда Йорен уволок ее в переулочек, она подумала, что он хочет ее убить, но старик только зажал ее, как в тисках, и обрезал все ее лохмы своим кинжалом. Ветерок раскидал по булыжнику клочья грязных каштановых волос, унося их к септе, где умер ее отец. «Я увожу из города кучу мужчин и мальчишек, – проворчал Йорен, царапая ей голову острой сталью. – Стой смирно, мальчик». Когда он закончил, немногие волосы, оставшиеся у нее на голове, торчали во все стороны.

После он сказал ей, что до самого Винтерфелла она будет сиротой Арри. «За ворота, думаю, мы выйдем без труда, а вот дорога – другое дело. Тебе долго придется путешествовать в дурном обществе. На этот раз я веду к Стене тридцать человек, и не думай, что они все такие же, как твой сводный брат. – Йорен встряхнул ее, чтобы лучше запомнила. – Лорд Эддард открыл мне тюрьмы, и господских детей я там не нашел. Из этой шайки половина тут же выдаст тебя королеве за помилование и пару серебряков, а другая сделает то же самое, только сперва изнасилует тебя. Поэтому держись от них подальше, а малую нужду справляй в лесу. Это будет труднее всего, так что много не пей».

Из Королевской Гавани они вышли легко, как он и предсказывал. Стражники Ланнистеров у ворот останавливали всех, но Йорен назвал одного из них по имени, и его повозки пропустили беспрепятственно. На Арию никто даже не взглянул. Они искали девочку благородного происхождения, дочь десницы короля, а не тощего мальчишку с неровно откромсанными волосами. Арья ни разу не оглянулась назад. Ей хотелось, чтобы Черноводная вышла из берегов и смыла весь город – с Блошиным Концом, Красным замком, Великой септой и всеми жителями, – а первым делом принца Джоффри с его матушкой. Но она знала, что этого не будет, к тому же в городе осталась Санса. Вспомнив об этом, Арья перестала желать потопа и стала думать о Винтерфелле.

А вот насчет малой нужды Йорен ошибся. Самым трудным оказалось не это, а Ломми Зеленые Руки и Пирожок, мальчишки-сироты. Йорен подобрал их на улице, посулив, что в

Дозоре их будут кормить и обувать. Остальных он нашел в тюрьме. «Дозору нужны воины, – сказал он им в день отъезда, – но за неимением лучшего сойдете и вы».

В его добычу входили воры, браконьеры и насильники. Хуже всех были трое, которых он взял из каменных мешков, – они, как видно, пугали даже его, потому что он вез их скованными по рукам и ногам и говорил, что они останутся в железах до самой Стены. У одного из них на месте отрезанного носа зияла дыра, а у лысого толстяка с заостренными зубами и мокнувшими язвами на щеках в глазах не было ничего человеческого.

Из Королевской Гавани они выехали с пятью повозками, нагруженными припасами для Стены: кожами и отрезами ткани, железными брусьями, клеткой с воронами, книгами, бумагой и чернилами, кипой кислотицы, кувшинами с маслом, ящичками с лекарствами и специями. Повозки тащили лошади. Йорен купил еще двух верховых и полдюжины ослов для мальчишек. Арья предпочла бы настоящего коня, но на осле ехать было лучше, чем в повозке.

Мужчины не обращали на нее внимания, но с мальчишками ей посчастливилось меньше. Она была на два года моложе самого младшего из них, не говоря уж о ее малом росте и худобе, а ее молчание Ломми и Пирожок принимали за признак страха, глупости или глухоты.

– Глянь-ка, какой меч у Вороньего Гнезда, – сказал Ломми однажды утром, когда они тащились мимо плодовых садов и овсяных полей. Он был подмастерьем красильщика до того, как начал воровать, и руки у него остались зелеными по локоть. Когда он смеялся, то реготал, как ослы, на которых они ехали. – Откуда у такой подзаборной крысы, как он, взялся меч?

Арья угрюмо прикусила губу. В голове поезда маячил выцветший черный плащ Йорена, но она решила, что ни за что не станет звать на помощь.

– Может, он оруженосец, – заметил Пирожок. Его покойная мать была булочницей, и он день-деньской возил по улицам свою тележку, выкрикивая: «Пирожки! Пирожки горячие!» – Маленький оруженосец знатного лорда.

– Какой он оруженосец? Ты посмотри на него. Спорю, что и меч у него не настоящий. Жестяной, поди, игрушечный.

Насмешек над Иглой Арья не могла вынести.

– Это отборная сталь, дурак, – рывкнула она, повернувшись в седле, – и советую тебе заткнуться.

Мальчишки заржали.

– Где ж ты взял такой клинок, Воронье Лицо? – осведомился Пирожок.

– Воронье Гнездо, – поправил его Ломми. – Спер небось.

– Нет! – крикнула Арья. Иглу ей подарил Джон Сноу. Пусть себе зовут ее Вороньим Гнездом, но она не потерпит, чтобы Джона обзывали вором.

– Если меч краденый, то мы можем его забрать, – сказал Пирожок. – Ведь это не его вещь. Мне бы такой пригодился.

– Давай отними, – подзадорил его Ломми. Пирожок лягнул пятками своего осла и подъехал поближе.

– Эй, Воронье Гнездо, давай сюда меч. – Волосы у него были как солома, толстая ряшка обгорела на солнце и лупилась. – Ты все равно не умеешь с ним обращаться.

«Еще как умею, – могла бы сказать Арья. – Я уже убила одного мальчишку, толстого, вроде тебя. Я ткнула его в живот, и он умер, и тебя я тоже убью, если будешь приставать». Но она промолчала. Йорен не знал о конюшонке – кто его знает, что он сделает с ней, если проведаст об этом. Арья полагала, что в их отряде есть и убийцы – те трое колодников уж точно душегубы, – но королева ищет не их, так что разница есть.

– Погляди на него, – заржал Ломми, – сейчас заплачет. Так ведь, Воронье Гнездо?

Ночью она и правда плакала, потому что ей приснился отец. Но утром она проснулась с сухими, хотя и красными, глазами и теперь не смогла бы пролить ни слезинки, даже если бы ее жизнь зависела от этого.

– Нет, он штаны намочит, – заявил Пирожок.

– Отстаньте от него, – сказал лохматый черный парень, ехавший позади них. Ломми прозвал его Быком из-за рогатого шлема, который тот все время полировал, но никогда не надевал на себя. Над Быком Ломми насмеяться не осмеливался. Тот был старше и к тому же велик для своего возраста, с широкой грудью и сильными руками.

– Ты лучше отдай меч Пирожку, Арри, – сказал Ломми. – Уж очень он ему приглянулся. Пирожок одного мальчика до смерти запинал – и с тобой то же самое сделает.

– Я повалил его и пинал по яйцам, пока он не помер, – похвастался Пирожок. – У него из яиц кровь потекла, а писька вся почернела. Лучше отдай мне меч.

Арья сняла с пояса учебный.

– На, возьми этот. – Ей не хотелось драться.

– На кой мне эта палка. – Он подъехал вплотную к ней и потянулся к Игле.

Арья, размахнувшись, хлопнула его осла по крупу деревянным мечом. Ослик с ревом взвился на дыбы, скинув Пирожка. Арья тоже соскочила наземь и ткнула Пирожка деревяшкой в живот, когда он попытался встать. Он охнул и хлопнулся обратно. Тогда она огрела его по лицу, и его нос хрустнул, как сухая ветка. Потекла кровь. Пирожок завыл, и Арья обернулась к Ломми, который сидел на своем осле открывши рот.

– Ты тоже хочешь мой меч? – Но он не хотел. Он прикрыл лицо зелеными руками и завопил, чтобы она убиралась.

– Сзади! – крикнул Бык, и Арья крунулась на месте. Пирожок привстал на колени с большим острым камнем в кулаке. Арья позволила ему бросить – она пригнула голову, и камень просвистел мимо. Тогда она набросилась на Пирожка. Он вскинул руку, но она ударила его по ней, и по щеке, и по колену. Он хотел ее схватить, но она отскочила, будто танцуя, и треснула его деревяшкой по затылку. Он свалился, снова встал и подался к ней, шатаясь, – красный, перемазанный грязью и кровью. Арья ждала, приняв стойку водяного плясуна. Когда он подошел достаточно близко, она ткнула его между ног – так сильно, что, будь у деревянного меча острие, оно вышло бы между ягодиц.

Когда Йорен оттащил ее от Пирожка, тот валялся на земле, наложив полные штаны, и рыдал, а она продолжала молотить его что есть мочи.

– Хватит, – проревел черный брат, выхватив у нее деревянный меч, – ты убьешь его, дурака! – Ломми и другие подняли крик, но Йорен рывкнул на них: – А ну заткнитесь, пока я сам вас не заткнул. Если такое повторится, я привяжу вас к повозкам и волоком потащу к Стене. Тебя это в первую очередь касается, Арри. Пошли со мной, быстро.

Все смотрели на нее, даже трое скованных в фургоне. Толстяк щелкнул своими острыми зубами и зашипел, но Арья не обратила на него внимания.

Старик свел ее с дороги в лес, не переставая ругаться.

– Будь у меня хоть на грош здравого смысла, я оставил бы тебя в Королевской Гавани. Слышишь, мальчик? – Он всегда называл ее «мальчик», делая ударение на этом слове. – Спусти-ка штаны. Давай-давай, здесь тебя никто не увидит. – Арья угрюмо повиновалась. – А теперь стань к тому дубу. Вот так. – Она обхватила руками ствол и приникла лицом к грубой коре. – А теперь кричи, да погромче.

«Не стану кричать», – упрямо подумала она, но, когда Йорен приложил ей деревяшкой по голому телу, завопила помимо воли.

– Что, больно? А вот этак? – Меч свистнул в воздухе. Арья завопила снова, цепляясь за дерево, чтобы не упасть. – И еще разок. – Арья закусила губу и съежилась в ожидании. Удар заставил ее взвиться и завывать. «Но плакать я не стану, – твердила она про себя. – Я Старк

из Винтерфелла, и наша эмблема – лютоволк, а лютоволки не плачут». По левой ноге у нее бежала струйка крови, ляжки и ягодицы горели. – Ну, может быть, теперь ты меня слушаешь. В следующий раз, как накинешься с этой палкой на кого-нибудь из своих братьев, получишь в два раза больше. Все, прикройся.

«Они мне не братья», – подумала Арья, наклоняясь, чтобы подобрать штаны, но благоразумно промолчала. Руки у нее дрожали, пока она возилась с завязками.

– Больно тебе? – спросил Йорен.

Спокойная, как вода, сказала она себе, как учил ее Сирио Форель, и ответила:

– Немножко.

– Пирожнику куда больнее, – сплюнув, сказал старик. – Это не он убил твоего отца, девочка, и не воришка Ломми. Сколько их ни бей, его не вернешь.

– Я знаю, – мрачно буркнула она.

– Есть кое-что, чего ты не знаешь. Я сам не знал, что так получится. Я уже собрался в дорогу, купил и загрузил повозки, как вдруг приходит ко мне человек с парнишкой, с полным кошельком и с посланием – не важно от кого. «Лорд Эддард скоро облачится в черное, – говорит он мне, – подожди, и он отправится с тобой». Зачем, по-твоему, я пришел тогда в септу? Да только все обернулось по-другому.

– Джоффри, – выдохнула Арья. – Кто-нибудь должен убить его!

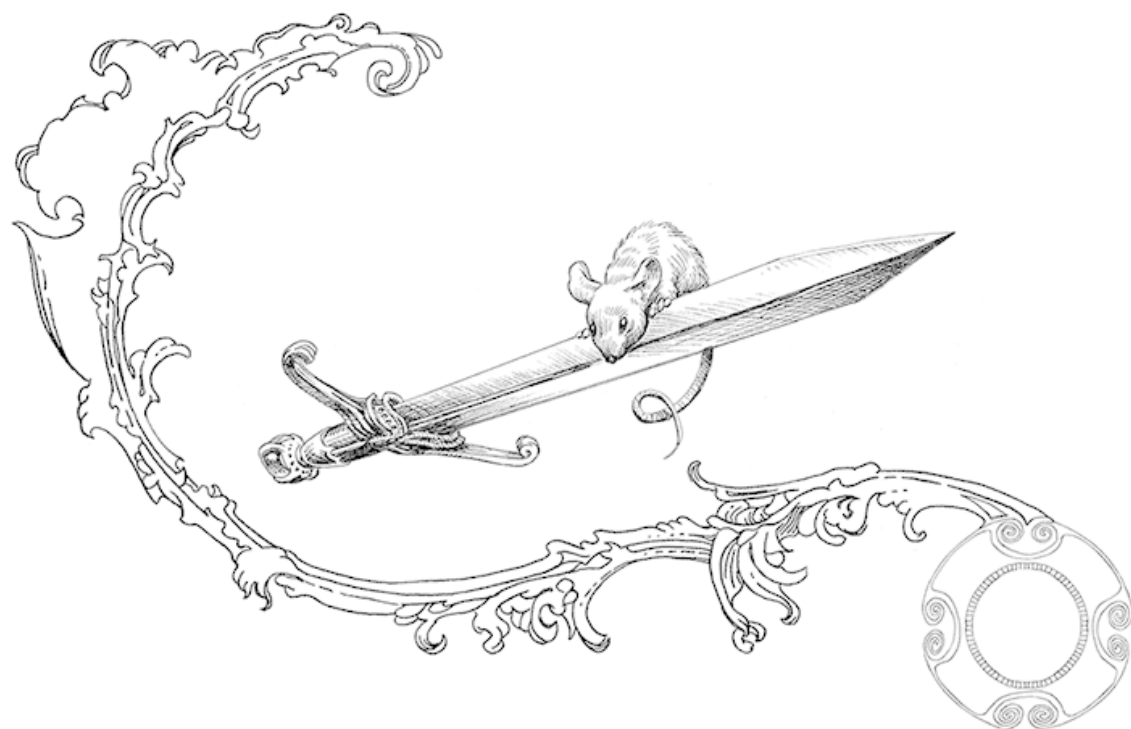
– Кто-нибудь убьет, да только не я и не ты. – Йорен сунул ей деревянный меч обратно. – Возьми в повозке кислolist и пожуй, – сказал он, когда они снова вышли на дорогу. – Легче станет.

Ей и правда стало легче, хотя вкус у кислolistа был противный, а слюна от него окрашивалась в кровавый цвет. Несмотря на это, она весь этот день, и завтрашний, и послезавтрашний шла пешком – на осле сидеть было не вмоготу. Пирожку было еще хуже: Йорену пришлось передвинуть несколько бочек, чтобы устроить его в задке повозки на мешках с ячменем, и парень ныл каждый раз, когда колесо наезжало на камень. Ломми Зеленые Руки, хотя и не пострадал, держался от Арьи как можно дальше.

– Всякий раз, как ты смотришь на него, он дергается, – сказала ей Бык, с чьим ослом она шагала рядом. Она не ответила. Держать язык за зубами было, пожалуй, надежнее всего.

В ту ночь она, лежа в своем тонком одеяле на твердой земле, смотрела на красную комету, прекрасную и пугающую в то же время. «Красный меч», называл ее Бык, утверждая, что она похожа на раскаленный клинок, только что вынутый из горна. Прищулив глаза особым образом, Арья тоже видела меч – только не новый, а Лед, длинный отцовский клинок из волнистой валирийской стали, красный от крови лорда Эддарда, когда сир Илин, королевский палач, срубил ему голову. Йорен заставил ее отвернуться в тот миг, но она все равно думала, что Лед должен был выглядеть так, как эта комета.

Когда она наконец уснула, ей приснился дом. Королевский тракт на пути к Стене проходит мимо Винтерфелла. Йорен обещал, что высадит ее там – и никто так и не узнает, кто она. Ей ужасно хотелось снова увидеть мать, Робба, Брана и Рикона... но больше всех она скучала по Джону Сноу. Вот бы приехать к Стене раньше Винтерфелла, чтобы Джон опять взъерошил ей волосы и назвал сестричкой. «Я по тебе скучала», – скажет она, а он в тот же миг скажет то же самое, как всегда у них бывало. Ей так хотелось этого – больше всего на свете.

Санса

Настало утро именин короля Джоффри – яркое и ветреное, и длинный хвост кометы был виден сквозь летящие по небу облака. Санса смотрела на него из окна своей башни, когда сир Арис Окхарт пришел, чтобы проводить ее на турнир.

– Как вы думаете, что это означает? – спросила она.

– Комета пророчит славу вашему жениху. Смотрите, как пылает она на небе в день его именин, словно сами боги подняли флаг в его честь. В народе ее называют кометой короля Джоффри.

Джоффри, конечно, так и говорят, но Санса не была уверена, что это правда.

– Я слышала, как служанки называли ее Драконьим Хвостом.

– Король Джоффри сидит там, где некогда сидел Эйегон Дракон, в замке, построенном его сыном. Он наследник королей-драконов, а червонный – цвет дома Ланнистеров, и это еще один знак. Эта комета послана, чтобы возвестить о восшествии Джоффри на трон, нет сомнений. Она означает, что он восторжествует над своими врагами.

«Неужели это правда?» – подумала она. Могут ли боги быть столь жестоки? Ее мать теперь тоже враг Джоффри, и ее брат Робб. Ее отец умер по приказу короля. Неужели матушка и Робб будут следующими? Эта комета красна, но Джоффри – Баратеон не менее, чем Ланнистер, а герб Баратеонов – черный олень на золотом поле. Разве боги не должны были послать Джоффри золотую комету?

Санса закрыла ставни и отвернулась от окна.

– Вы сегодня просто прелестны, миледи, – сказал сир Арис.

– Благодарю вас, сир. – Зная, что Джоффри непременно потребует ее присутствия на турнире в его честь, она уделила особое внимание своему лицу и одежде. На ней было платье из бледно-лилового шелка, а волосы покрывала сетка с лунными камнями, подарок Джоффри. Длинные рукава платья скрывали синяки на руках – ими ее тоже одарил Джоффри.

Когда ему сказали, что Робба провозгласили Королем Севера, он впал в ужасную ярость и послал сира Бороса побить ее.

– Пойдемте? – Сир Арис предложил ей руку, и Санса, опершись на нее, вышла из комнаты. Если уж ее должен конвоировать кто-то из королевских гвардейцев, пусть это будет он. Сир Борос вспыльчив, сир Меррин холоден, странные мертвые глаза сира Мендона вселяют в нее тревогу, сир Престон обращается с ней, как с несмышленным ребенком. Арис Окхарт учтив и всегда говорит с ней приветливо. Однажды он даже не подчинился Джоффри, когда тот велел ему ударить ее. В конце концов он все-таки ударил, но не сильно, как сделали бы сир Меррин или сир Борос, и он как-никак возразил королю. Другие подчинялись без возражений... кроме Пса, но его Джофф никогда не просил ее наказывать. На то имелись пятеро других.

У сира Ариса светло-каштановые волосы и довольно приятное лицо. Сегодня он просто ослепителен в своем белом шелковом плаще, застегнутом на плече золотым листом, с развесистым дубом, вышитым блестящей золотой нитью на груди камзола.

– Как по-вашему, кто сегодня победит? – спросила Санса, спускаясь с ним по лестнице рука об руку.

– Я, – улыбнулся сир Арис. – Но боюсь, в такой победе мало чести. Турнир будет не из важных. На него записалось не более сорока человек, считая оруженосцев и вольных всадников. Не слишком почетно вышибать из седла зеленых юнцов.

«То ли дело последний турнир», – подумала Санса. Король Роберт устроил его в честь ее отца. Знатные лорды и именитые бойцы съехались на него со всех концов государства, и весь город собрался поглядеть на них. Ей хорошо помнилось это великолепие: поле, уставленное вдоль реки шатрами с рыцарским щитом над каждой дверью, длинные ряды шелковых вымпелов, трепещущих на ветру, блеск солнца на яркой стали и золоченых шпорах. Дни проходили под пение труб и гром копыт, а по ночам пировали и веселились. Это были самые волшебные дни в ее жизни – но теперь ей казалось, что все это происходило в другом столетии. Роберт Баратеон мертв, а ее отец обезглавлен как изменник на ступенях Великой септы Бейелора. Теперь в стране три короля, за Трезубцем бушует война, и город наполнили толпы бегущих от нее людей. Неудивительно, что турнир Джоффа придется проводить за толстыми стенами Красного замка.

– Вы не знаете, королева будет присутствовать? – Санса всегда чувствовала себя спокойнее при Серсее, сдерживавшей злобные выходки сына.

– Боюсь, что нет, миледи. Она сейчас на совете, который собрался по какому-то срочному делу. – Сир Арис понизил голос. – Лорд Тайвин засел в Харренхолле, вместо того чтобы привести свое войско в город, как приказывала королева. Ее милость в ярости. – Он помолчал, пока мимо не прошли гвардейцы Ланнистеров в червонных плащах и с гребнями на шлемах. Сир Арис любил посплетничать, но лишь когда был уверен, что посторонние его не слышат.

Плотники поставили во внешнем дворе галерею и устроили ристалище. Поле и правда получилось жалкое, а горстка зрителей заполняла только половину сидений. Большей частью это были солдаты городской стражи в золотых плащах или червонные гвардейцы дома Ланнистеров. Лордов и леди при дворе осталось совсем немного. Серолицый лорд Джайлс Росби кашлял в розовый шелковый платок. Леди Танда сидела в компании своих дочерей, скучной тихони Лоллис и языкатой Фалисы. Был здесь также чернокожий Джалабхар Ксо, изгнанник, которому больше некуда было деваться, и леди Эрмесанда, малютка на коленях у своей кормилицы. Говорили, что ее скоро выдадут за одного из кузенов королевы, чтобы Ланнистеры смогли получить ее земли.

Король сидел под червонным балдахином, небрежно перекинув одну ногу через резную ручку кресла. Принцесса Мирцелла и принц Томмен устроились позади него. В глубине

королевской ложи стоял на страже Сандор Клиган, держа руки на поясе. Белоснежный плащ королевского гвардейца, застегнутый драгоценной брошью, выглядел нелепо поверх бурого грубошерстного камзола и кожаного колета с заклепками.

– Леди Санса, – кратко доложил Пес, увидев ее. Голос у него был как пила, входящая в дерево, и одна сторона рта из-за ожогов на лице и горле дергалась, когда он говорил.

Принцесса Мирцелла робко кивнула Сансе в знак приветствия, зато пухлый маленький принц Томмен так и подскочил.

– Санса, ты слышала? Я сегодня тоже участвую в турнире. Мама мне разрешила. – Томмену было восемь, и он напоминал Сансе ее собственного младшего брата, Брана. Мальчики были одногодками. Бран остался в Винтерфелле. Теперь он калека, зато ему ничего не грозит.

Санса отдала бы все на свете, чтобы быть рядом с ним.

– Я опасаюсь за жизнь вашего противника, – серьезно сказала она Томмену.

– Его противник будет набит соломой, – сказал Джофф, вставая. На нем был позолоченный панцирь со львом, стоящим на задних лапах, – в пору на войну отправляться. Сегодня ему исполнилось тринадцать, и он был высок для своего возраста, зеленоглазый и золотоволосый, как все Ланнистеры.

– Ваша милость, – сказала Санса, присев в реверансе.

Сир Арис поклонился:

– Прошу извинить меня, ваша милость. Я должен подготовиться к состязанию.

Джоффри небрежным жестом отпустил его и оглядел Сансу с ног до головы.

– Я рад, что ты надела мои камни.

Итак, король сегодня расположен быть галантным. Санса испытала облегчение.

– Я благодарна вам за них... и за ваши приветливые слова. Поздравляю ваша милость с днем ваших именин.

– Садись, – приказал Джоффри, указав ей на свободное место рядом с собой. – Ты слышала? Король-попрошайка умер.

– Кто? – Санса испугалась на миг, подумав, что он имеет в виду Робба.

– Визерис. Последний сын безумного короля Эйериса. Он скитался по Вольным городам еще до моего рождения, называя себя королем. Так вот, мать говорит, что дотракийцы наконец короновали его – расплавленным золотом. – Джоффри засмеялся. – Забавно, тебе не кажется? Ведь их эмблемой был дракон. Все равно как если бы твоего изменника-братца загрыз волк. Может быть, я и правда скормлю его волкам, когда поймаю. Я говорил тебе, что намерен вызвать его на поединок?

– Мне очень хотелось бы посмотреть на это, ваша милость. – (Больше, чем ты думаешь.) Санса отвечала ровно и учтиво, но Джоффри все равно прищурил глаза, стараясь понять, не насмехается ли она над ним. – Вы нынче тоже выйдете на поле? – поспешно спросила она. Король нахмурился.

– Моя леди-мать сказала, что мне не подобает участвовать в турнире, устраиваемом в мою честь. Иначе я стал бы первым. Верно ведь, Пес?

– Среди этого сборища? – дернул ртом Пес. – Почему бы и нет?

«На отцовском турнире первым был он», – вспомнила Санса.

– А вы будете сегодня сражаться, милорд? – спросила она.

– Не стоит труда надевать доспехи, – презрительно процедил он. – Это турнир комаров.

– Ишь, как злобно мой Пес лает, – засмеялся король. – Быть может, я прикажу ему сразиться с победителем этого дня. Насмерть. – Джоффри любил заставлять людей сражаться насмерть.

– Тогда у вас станет одним рыцарем меньше. – Пес так и не принес рыцарского обета. Его брат был рыцарем, а он ненавидел своего брата.

Запели трубы. Король сел на место и взял Сансу за руку. Прежде это заставило бы ее сердце забиться сильнее – но это было до того, как он в ответ на мольбу о милосердии поднес ей голову ее отца. Теперь его прикосновение было ей омерзительно, но она знала, что показывать этого нельзя, и принудила себя сидеть смирно.

– Сир Меррин Трант из Королевской гвардии, – объявил герольд.

Сир Меррин появился с западной стороны двора в блистающих, украшенных золотом белых доспехах, на молочно-белом скакуне с пышной серой гривой. Плащ струился позади него, как снегопад. В руке он держал двенадцатифутовое копье.

– Сир Хоббер из дома Редвинов, что в Арборе, – пропел герольд.

Сир Хоббер выехал с восточной стороны на черном жеребце в винно-красной с синим попоне, с копьем, раскрашенным в те же цвета. Его щит украшала виноградная гроздь – герб его дома. Близнецы Редвины, как и Санса, были гостями королевы помимо своей воли. Сансе хотелось бы знать, кто придумал выставить их на турнир Джоффри. Уж наверное, не они сами.

По сигналу мастера над ристалищем бойцы опустили свои копья и пришпорили коней. Зрители, солдаты и знатные господа, подбадривали их криками. Рыцари сшиблись посреди двора в грохоте дерева и стали. Копья, и белое и полосатое, раскололись в щепки. Хоббер Редвин пошатнулся, но удержался в седле. Повернув коней, рыцари разъехались по своим концам поля, где оруженосцы вручили им новые копья. Сир Хорас, близнец Хоббера, кричал, поддерживая брата.

Но при втором наскоке сир Меррин ударил острием копья в грудь сир Хобберу и выбил его из седла. Тот с грохотом рухнул наземь, и сир Хорас, выбравшись, поспешил ему на помощь.

– Скверный бой, – сказал король Джоффри.

– Сир Бейлон Сванн из Каменного Шлема, что на Красном Дозоре, – возвестил герольд. Шлем сира Бейлона украшали широкие белые крылья, а на его щите черные лебеди сражались с белыми. – Моррос из дома Слинтов, наследник лорда Яноса Харренхоллского.

– Поглядите-ка на этого тупоголового выскочку, – фыркнул Джофф достаточно громко, чтобы его слышала половина зрителей. Моррос, всего лишь оруженосец, притом недавний, весьма неуклюже управлялся с копьем и щитом. Копье, как было известно Сансе, рыцарское оружие, Слинты же низкого происхождения. Лорд Янос командовал городской стражей, прежде чем Джоффри пожаловал ему Харренхолл и ввел в свой совет.

Хоть бы он упал и осрамился, с ожесточением подумала Санса. Хоть бы сир Бейлон его убил. Когда Джоффри объявил ее отцу смертный приговор, это Янос Слинг схватил отрубленную голову лорда Эддарда за волосы и показал ее королю и народу под плач и крики Сансы.

Моррос был в плаще в черную и золотую клетку поверх черной, инкрустированной золотом брони, на щите красовалось окровавленное копье, которое его отец избрал эмблемой своего вновь учрежденного дома. Но, посылая коня вперед, он, видимо, не знал, что делать со щитом, и копье сира Бейлона угодило прямо в эмблему. Моррос выронил свое и зашатался. При падении одна его нога застряла в стремях, и конь поволок его по полю, стучая головой о землю. Джофф презрительно заулюлюкал, Санса же ужаснулась. Значит ли это, что боги вняли ее мстительной мольбе? Но когда Морроса Слинга освободили, он был жив, хотя и весь в крови.

– Томмен, мы выбрали тебе не того противника, – сказал король брату. – Соломенный рыцарь сражается лучше, чем этот.

Следующим настал черед сира Хораса Редвина. Он превзошел своего брата, победив пожилого рыцаря, чей щит украшали серебряные грифоны на белом и голубом поле. Старик не сумел поддержать великолепия своего герба.

– Жалкое зрелище, – скривил губы Джоффри.

– Я ж говорил – комаришки, – отозвался Пес.

Королю становилось скучно, и это беспокоило Сансу. Она опустила глаза и решила молчать, несмотря ни на что. Когда Джоффри Баратеон пребывал в дурном настроении, любое неосторожное слово могло привести его в ярость.

– Лотор Брюн, вольный всадник на службе лорда Бейлиша, – выкрикнул герольд. – Сир Донтос Красный из дома Холлардов.

Вольный всадник, маленький человечек в щербатой броне без девиза, появился в западном конце, но его противника не было видно. Затем на поле рысцой выбежал гнедой жеребец в червонных и багровых шелках, но без сира Донтоса. Рыцарь появился миг спустя, ругаясь почему зря. Кроме панциря и пернатого шлема, на нем ничего более не было. Он гнался за конем, сверкая тощими бледными ногами, и его мужское естество непристойно болталось. Зрители покатывались со смеху, выкрикивая оскорбления. Ухватив коня за уздечку, сир Донтос попытался сесть на него, но скакун не желал стоять смирно, а рыцарь был так пьян, что никак не мог попасть босой ногой в стремя.

Все уже просто изнемогали от смеха... все, но не король. Сансе было хорошо знакомо выражение в глазах Джоффри – такой же взгляд был у него, когда он в Великой септе Бейелора приговорил к смерти лорда Эддарда Старка. Сир Донтос Красный наконец отказался от своих бесплодных усилий, уселся в грязь, снял свой шлем с плюмажем и крикнул:

– Сдаюсь! Принесите мне вина.

Король встал:

– Подать сюда бочку из подвалов! Сейчас мы утопим его в ней.

– Нет, так нельзя! – вырвалось у Сансы. Король повернул к ней голову:

– Что ты сказала?

Санса не могла верить в собственную глупость. С ума она, что ли, сошла – сказать королю «нельзя» перед половиной его двора? Она и не хотела ничего говорить... но ведь сир Донтос, пьяный, глупый и никчемный, не сделал никому зла.

– Ты сказала «нельзя»? Я не ослышался?

– Прошу вас, ваша милость... я хотела только сказать, что это было бы дурным знаком... убивать человека в день ваших именин.

– Лжешь. Тебя следует утопить вместе с ним, если он так тебе дорог.

– Он мне ничуть не дорог, ваша милость, – отчаянно лепетала она. – Топите его, рубите ему голову... только умоляю, сделайте это завтра, а не сегодня, не в ваши именины. Это очень несчастливый знак... для всех, даже для королей, так во всех песнях поется.

Джоффри помрачнел. Он понимал, что она лжет, он это видел. Он заставит ее поплатиться за это.

– Девушка верно говорит, – вмешался Пес. – Что человек посеет в свои именины, то пожинает весь год. – Он говорил равнодушно, словно его вовсе не заботило, верит ему король или нет. Правда ли это? Санса не знала. Сама она сочинила это только что, чтобы избежать наказания.

Джоффри, недовольно поерзав на сиденье, щелкнул пальцами в сторону сира Донтоса.

– Убрать его. Я казнь этого дурака завтра.

– Вот-вот – он дурак, – сказала Санса. – Ваше величество очень тонко это подметили. Ему больше подходит быть дураком, чем рыцарем, правда? Его следует одеть в шутовской наряд и заставить веселить вас. Он не заслуживает такой милости, как быстрая смерть.

Король пристально посмотрел на нее.

– А ты, пожалуй, не так глупа, как говорит матушка. – Он возвысил голос. – Ты слышал, что сказала миледи, Донтос? Отныне ты мой новый дурак. Будешь спать вместе с Лунатиком и одеваться в пестрое.

Сир Донтос, которого близкая смерть отрезвила, упал на колени.

– Благодарю вас, ваша милость. И вас, миледи. Благодарю.

Гвардейцы Ланнистеров увели его прочь, и к королевской ложе подошел мастер над ристалищем.

– Ваша милость, как мне поступить – вызвать нового соперника для Брюна или огласить следующую пару?

– Ни то, ни другое. Это комаришки, а не рыцари. Я их всех предал бы смерти, не будь это мои именины. Турнир окончен. Пусть все убиваются с глаз долой.

Мастер над ристалищем поклонился, но принц Томмен был не столь послушен.

– А как же я? Я должен выехать против соломенного человека.

– В другой раз.

– Но я хочу сегодня!

– Мало ли что ты хочешь.

– А мама сказала, что можно!

– Да, сказала, – подтвердила принцесса Мирцелла.

– Мама, мама, – передразнил король. – Что вы как маленькие?

– Мы и есть маленькие, – заявила Мирцелла.

– С этим не поспоришь, – засмеялся Пес.

– Хорошо, – сказал Джоффри. – Даже мой брат не может быть хуже, чем они. Мастер, поставьте кинтану – Томмен хочет поиграть в комара.

Томмен весело завопил и побежал одеваться, мелькая толстыми ножками.

– Желаю удачи, – сказала ему вслед Санса.

В дальнем конце поля поставили кинтану, и для принца оседлали пони. Противником Томмена было кожаное, набитое соломой чучело ростом с ребенка. Оно стояло на поворотной опоре, со щитом в одной руке и тряпичной палицей в другой. Кто-то нацепил ему на голову пару оленьих рогов. Санса вспомнила, что отец Джоффри король Роберт тоже носил оленьи рога на шлеме... но их носит и королевский дядя, лорд Ренли, вставший на путь измены и объявивший себя королем.

Двое оруженосцев облачили принца в его нарядные, червонные с серебром, доспехи. На шлеме у него высился пышный плюмаж из красных перьев, а на щите резвились вместе лев Ланнистеров и коронованный олень Баратеонов. Оруженосцы усадили Томмена на коня, а сир Арон Сантагар, мастер над оружием Красного замка, вручил принцу тупой серебряный меч с клинком в форме листа, сделанный по руке восьмилетнего мальчика.

Томмен высоко вскинул меч.

– Утес Кастерли! – прокричал он тонким ребячьим голосом, пришпорил своего пони и поскакал по утопанной земле к кинтане. Леди Танда и лорд Джайлс разразились ободряющими возгласами, и Санса присоединилась к ним. Король угрюмо молчал.

Томмен перевел пони на мелкую рысь и нанес мечом солидный удар по щиту чучела, проезжая мимо. Кинтана повернулась, и мягкая палица хлопнула принца по затылку. Томмен вылетел из седла и упал, дребезжа, словно груда пустых котелков. Меч он потерял, пони ускакал прочь, а зрители грохнули со смеху. Король Джоффри смеялся громче и дольше всех, но принцесса Мирцелла выскочила из ложи и бросилась к младшему брату.

В Сансе неожиданно взыграла дерзкая отвага.

– Вам тоже следовало бы пойти с ней, – сказала она королю. – Вдруг ваш брат ушибся.

– Ну и что? – пожал плечами Джоффри.

– Вы должны помочь ему и сказать, какой он молодец. – Санса уже не могла остановиться.

– Чучело скинуло его в грязь. Тоже мне молодец.

– А мальчуган-то не робкого десятка, – заметил Пес. – Хочет попытаться еще раз.

Томмену помогли сесть на пони. «Жаль, что старший не он, а Джоффри, – подумала Санса. – За Томмена я охотно вышла бы замуж».

Но тут у ворот замка послышался шум. Загрохотали цепи, решетку подняли, железные петли заскрипели, и ворота открылись.

– Кто приказал? – вскричал Джоффри. В городе было беспокойно, и ворота Красного замка оставались закрытыми день и ночь.

Под решеткой, позвякивая сталью, проехал конный отряд. Клиган приблизился к королю, опустив руку на меч. У новоприбывших был изнуренный, пыльный и обтрепанный вид, но ехали они под штандартом с ланнистерским львом, золотым на красном поле. Несколько человек имели на себе красные плащи и кольчуги ланнистерских солдат, но большинство составляли вольные всадники и наемники в разномастных доспехах и острой стальной щетине... а следом ехали дикари из сказок Старой Нэн, из страшных сказок, которые так любил Бран. Косматые и бородатые, они были одеты в звериные шкуры и вареную кожу. У некоторых на руках и головах виднелись окровавленные повязки, у других не доставало глаз, ушей и пальцев.

В середине на высоком рыжем коне в странном седле с высокими луками спереди и сзади ехал брат королевы, карлик Тирион Ланнистер, тот, кого прозвали Бесом. Он отпустил бороду, и его острая мордочка заросла пегим, желтым и черным волосом, жестким, как проволока. Спину его покрывал плащ из меха сумеречного кота, черный в белую полосу. Он держал поводья левой рукой – правую поддерживала белая шелковая перевязь. При всем при том он оставался таким же уродцем, каким Санса запомнила его в Винтерфелле, со своим выпирающим лбом и разномастными глазами. Она в жизни не встречала более безобразного человека.

Но Томмен пришпорил своего пони и с восторженным воплем поскакал через двор. Один из дикарей, громадный и такой заросший, что видны были одни глаза, выхватил мальчика из седла во всех его доспехах и поставил на землю перед дядей. Томмен закатился смехом, отразившимся от стен. Тирион хлопнул его по панцирю, и Санса с изумлением увидела, что эти двое одного роста. Мирцелла подбежала к брату. Карлик схватил ее в охапку и закружил.

Поставив визжащую девочку, он поцеловал ее в лоб и направился через двор к Джоффри. Два его человека последовали за ним – чернявый наемник с кошачьей походкой и тощий парень с пустым отверстием на месте одного глаза. Томмен и Мирцелла замыкали процессию.

Карлик преклонил колено перед королем.

– Ваша милость.

– Ты, – произнес Джоффри.

– Я, – подтвердил Бес, – хотя как ваш дядя и старший по возрасту я заслуживал бы более учтивого приветствия.

– Мы слышали, что ты умер, – сказал Пес.

Глаза маленького человечка – и зеленый, и черный – обдали большого холодом.

– Я говорю с королем, а не с его шавкой.

– Я рада, что ты не умер, – сказала Мирцелла.

– Полностью разделяю твое чувство, милое дитя. Миледи, – сказал Тирион Сансе, – я сожалею о ваших потерях. Поистине боги жестоки.

Санса не знала, что сказать. Как он может сожалеть о ее потерях? Уж не смеется ли он над ней? Боги здесь ни при чем. Джоффри – вот кто жесток.

– Прими и ты мои соболезнования, Джоффри, – сказал карлик.

– По поводу чего?

– У тебя, помнится, был отец. Такой здоровенный, свирепый, с черной бородищей – припоминаешь? Он был у нас королем до тебя.

– А, ты о нем. Да, прискорбный случай. Его убил вепрь.

– Так говорят у вас при дворе, ваша милость?

Джоффри нахмурился, и Санса почувствовала, что должна что-то сказать. Как это говорила септа Мордейн? «Броня леди – ее учтивость». Одевшись в свою броню, Санса произнесла:

– Я сожалею, что моя леди-мать взяла вас в плен, милорд.

– Об этом многие сожалеют – и пожалеют еще сильнее... однако благодарю вас за участие. Джоффри, где я могу найти твою мать?

– Она с моим советом. Твой брат Джейме продолжает проигрывать сражения. – Джоффри сердито глянул на Сансу, словно это была ее вина. – Старки захватили его в плен, мы потеряли Риверран, а теперь ее глупый братец называет себя королем.

– Кто только не называет себя королем в наши дни, – с кривой улыбкой ответил карлик.

Джоффри не совсем понял, что он хотел сказать, но вид у короля сделался подозрительным и немного растерянным.

– Это верно. Хорошо, дядя, я рад, что ты жив. Ты привез мне подарок ко дню моих именин?

– Да. Свой ум.

– Я предпочел бы голову Робба Старка. – Джофф покосился на Сансу. – Томмен, Мирцелла, идемте.

Сандор Клиган задержался еще на миг.

– На твоём месте я придержал бы язык, малыш, – сказал он, прежде чем последовать за своим господином.

Санса осталась одна с карликом и его чудищами. Не зная, что бы еще сказать, она наконец вымолвила:

– Я вижу, вы ранены.

– Один из ваших северян угостил меня булавой в битве на Зеленом Зубце. Я спасся только тем, что свалился с коня. – Он присмотрелся к Сансе, и его ухмылка стала чуть помягче. – Это из-за утраты отца вы так печальны?

– Мой отец был изменником, – тут же ответила Санса. – Как и мой брат и моя леди-мать. – Она быстро выучилась, как надо отвечать. – Но я верна своему возлюбленному Джоффри.

– Не сомневаюсь. Верна, как лань, окруженная волками.

– Львами, – шепнула она, не подумав, и беспокойно оглянулась – но ее никто не слышал.

Ланнистер взял ее руку и пожал:

– Я очень мелкий лев, дитя мое, и клянусь, что не стану на вас нападать. А теперь прошу меня извинить, – добавил он с поклоном. – У меня срочное дело к королеве и ее совету.

Санса посмотрела, как он уходит, раскачиваясь из стороны в сторону на каждом шагу, точно смешная кукла из балаганчика. «Он ласковее, чем Джоффри, – подумала она, – но королева тоже была со мной ласкова. Он Ланнистер, этот карлик, ее брат и дядя Джоффри, он не может быть моим другом». Санса любила принца Джоффри всем сердцем, а королеве верила и восхищалась ею. Они отплатили ей за любовь и доверие головой ее отца. Больше она не повторит своей ошибки.

Тирион

В белом одеянии королевского гвардейца сир Мендон Мур походил на мертвеца в саване.

– Ее милость приказывала ни под каким видом не прерывать заседания совета.

– Позвольте мне все же побеспокоить ее, сир. – Тирион достал из рукава пергаментный свиток. – У меня письмо от моего отца, лорда Тайвина Ланнистера, десницы короля. Вот его печать.

– Ее милость не желает, чтобы ее беспокоили, – медленно, словно тупице, не способному понять с первого раза, повторил сир Мендон.

Джейме как-то сказал Тириону, что Мур самый опасный из королевских гвардейцев – исключая, конечно, его самого, – поскольку по его лицу никогда не видно, что он сделает потом. Тирион был бы рад любому намеку. Бронн и Тиметт скорее всего убьют рыцаря, если дело дойдет до мечей, – но вряд ли стоит начинать с убийства одного из защитников Джоффри. С другой стороны, нельзя позволять прогонять себя прочь – это дурно сказывается на авторитете.

– Сир Мендон, я еще не представил вам своих спутников. Это Тиметт, сын Тиметта, Красная Рука клана Обгорелых. А это Бронн. Вы, вероятно, помните сира Вардиса Игена, капитана стражи лорда Аррена?

– Да, я его знаю. – Блеклые серые глаза сира Мендона смотрели равнодушно, как неживые.

– Вернее, знали, – с улыбочкой поправил Бронн.

Сир Мендон не соизволил ответить.

– Как бы там ни было, – беззаботно продолжал Тирион, – мне в самом деле нужно повидать мою сестру и вручить ей письмо. Будьте столь любезны, откройте нам дверь.

Белый рыцарь молчал. Тирион уже собрался вторгнуться силой, но сир Мендон неожиданно отступил в сторону.

– Вы можете пройти, но без них.

«Победа хоть и маленькая, но приятная», – подумал Тирион. Он выдержал первое испытание. Проходя в дверь, Тирион Ланнистер чувствовал себя почти высоким. Пять королевских советников внезапно умолкли, прервав свою беседу.

– Ты, – сказала его сестра Серсея тоном недоверчивым и неприязненным в равной мере.

– Теперь я вижу, у кого Джоффри перенял свои манеры. – Тирион полюбовался валирийскими сфинксами, стерегущими дверь, с видом небрежной уверенности в себе. Серсея чувствует слабость, как собака – страх.

– Что ты здесь делаешь? – Красивые зеленые глаза сестры вперились в него без малейшего намека на привязанность.

– У меня письмо от нашего лорда-отца. – Тирион вразвалку подошел к столу и положил на него туго скатанный свиток.

Евнух Варис, взяв письмо, повертел его в напудренных пальцах.

– Как любезно со стороны лорда Тайвина. И каким красивым золотистым воском он пользуется. – Он поднес свиток к глазам. – Печать, по всей видимости, настоящая.

– Разумеется, она настоящая. – Серсея вырвала письмо у него из рук, взломала печать и развернула пергамент.

Тирион смотрел, как она читает. Серсея заняла королевское место – видимо, Джоффри не часто оказывает совету честь своим присутствием, как, впрочем, и Роберт. Поэтому Тирион взобрался на стул десницы, что было вполне уместно.

– Бессмыслица какая-то, – сказала наконец королева. – Мой лорд-отец шлет моего брата, чтобы тот занял его место в совете. Он просит нас считать Тириона десницей короля вплоть до того времени, когда прибудет к нам сам.

Великий мейстер Пицель погладил свою пушистую белую бороду и важно кивнул.

– Полагаю, нам следует уважить волю лорда Тайвина.

– Согласен. – Брыластый, лысеющий Янос Слент смахивал на лягушку, которая пыжится, силясь казаться больше, чем есть. – Мы отчаянно нуждаемся в вас, милорд. Мятежи по всему государству, зловещий знак на небе, волнения на городских улицах...

– А кто в этом виноват, лорд Янос? – резко спросила Серсея. – За порядок отвечают ваши золотые плащи. Что до тебя, Тирион, то ты лучше послужил бы нам на поле битвы.

– Нет уж, спасибо, – засмеялся он. – Довольно с меня полей битвы. На стуле я сижу лучше, чем на лошади, и предпочитаю кубок вина боевому топору. А как же барабанный гром, спросите вы, и солнце, блистающее на броне, и великолепные скакуны, которые ржут и рвутся в бой? Но от барабанов у меня болит голова, в доспехах, блистающих на солнце, я поджариваюсь, точно гусь в праздник урожая, а великолепные скакуны засирают все как есть. Впрочем, я не жалею. После гостеприимства, оказанного мне в Долине Аррен, барабаны, конское дерьмо и мухи кажутся просто блаженством.

– Хорошо сказано, Ланнистер, – со смехом сказал Мизинец. – Вот человек, который мне по сердцу.

Тирион улыбнулся ему, вспомнив некий кинжал с рукояткой из драконьей кости и клинком из валирийской стали. «Надо будет поговорить с тобой об этом – и поскорее», – подумал он. Как-то этот предмет беседы покажется лорду Петису?

– Прошу вас, – сказал он членам совета, – позвольте мне быть вам полезным по мере моих *малых* сил.

Серсея перечитала письмо сызнава.

– Сколько человек ты привел с собой?

– Несколько сотен. В основном это мои люди. Со своими отец не пожелал расстаться. Он как-никак ведет войну.

– Что проку нам будет от твоих нескольких сотен, если Ренли двинется на город или Станнис отплывет с Драконьего Камня? Я прошу войско, а отец шлет мне карлика. Десницу назначает король с согласия своего совета – и Джоффри назначил нашего лорда-отца.

– А наш лорд-отец назначил меня.

– Он не может этого сделать без согласия Джоффа.

– Если ты считаешь необходимым обсудить это с лордом Тайвином, он стоит в Харренхолле со своим войском, – сообщил Тирион. – Милорды, не позволите ли вы мне поговорить с сестрой с глазу на глаз?

Варис встал первым, улыбаясь умильно, как всегда.

– Как вы, должно быть, соскучились по прелестному голосу вашей дражайшей сестрицы. Милорды, прошу вас, оставим их одних на несколько мгновений. Заботы, одолевающие наше несчастное государство, могут немного подождать.

Янос Слент и великий мейстер Пицель тоже поднялись – один нерешительно, другой величественно. Мизинец был последним.

– Я прикажу управляющему приготовить вам комнаты в крепости Мейегора, – предложил он.

– Благодарю, лорд Петир, но я займу бывшие покои лорда Старка в башне Десницы.

– Стало быть, вы храбрее меня, Ланнистер, – засмеялся Мизинец. – Всем известно, какая судьба постигла двух последних десниц.

– Двух? Если уж вам хочется напугать меня, почему бы не сказать «четырех»?

– Четырех? – поднял бровь Мизинец. – Неужели и другие десницы до лорда Аррена нашли в этой башне свой печальный конец? Боюсь, я был слишком молод, чтобы уделять этому внимание.

– Последний десница Эйериса Таргариена был убит при взятии Королевской Гавани, хотя я не думаю, что он успел обосноваться в башне. Он пробыл десницей всего две недели. А его предшественника сожгли заживо. Перед этими были еще двое – они умерли без гроша в изгнании, но почитали себя счастливыми. Думается, из всех десниц только моему лорд-отцу удалось покинуть Королевскую Гавань, не лишившись имени, имущества и какой-либо части тела.

– Захватывающе, – сказал Мизинец. – Тем больше причин, по которым я предпочел бы ночевать в темнице.

«Быть может, твое желание еще сбудется», – подумал Тирион, но вслух сказал:

– Отвага сродни безумию – так я по крайней мере слышал. Какое бы проклятие ни тяготело над башней Десницы, я, хотелось бы думать, настолько мал, что оно меня не заметит.

Янос Слингт засмеялся, Мизинец улыбнулся, а великий мастер Пицель с церемонным поклоном вышел из комнаты вслед за ними.

– Надеюсь, отец прислал тебя не затем, чтобы ты докучал нам уроками истории, – сказала Серсея, когда они удалились.

– Как я соскучился по твоему прелестному голосу, – вздохнул Тирион.

– Чего бы мне хотелось, так это вырвать нашему евнуху язык горячими щипцами. В своем ли уме наш отец? Или ты подделал письмо? – Серсея перечитала послание еще раз, с возрастающим раздражением. – С чего ему вздумалось навязать мне тебя? Я хотела, чтобы он сам приехал. – Она смяла пергамент в руках. – Я – регент Джоффри, и я послала ему королевский приказ!

– А он взял и не послушался. У него большая армия – он может себе это позволить. Впрочем, не он первый, верно?

Серсея сжала губы, и краска бросилась ей в лицо.

– Если я объявлю, что это письмо – подделка, и велю бросить тебя в темницу, меня послушаются, ручаюсь тебе.

Тирион понимал, что ступает по талому льду. Один неверный шаг – и он провалится.

– Не сомневаюсь, – дружелюбно сказал он. – И наш отец, у которого большая армия, тоже не оставит это без внимания. Но зачем тебе нужно бросать меня в темницу, милая сестра, – меня, который проделал столь долгий путь, чтобы помочь тебе?

– Твоя помощь мне не требуется. Я вызвала отца, а не тебя.

– Да, – согласился он, – но по-настоящему тебе нужен только Джейме.

Сестра считает себя тонкой бестией, но они как-никак росли вместе. Он читал по ее лицу, как по одной из своих любимых книг – сейчас он видел на нем ярость, страх и отчаяние.

– Джейме...

– ...мой брат не меньше, чем твой, – прервал ее Тирион. – Предоставь мне свою поддержку, и я обещаю тебе: мы освободим Джейме и вернем его к нам целым и невредимым.

– Каким образом? Мальчишка Старк и его мать вряд ли забудут, что мы обезглавили лорда Эддарда.

– Это верно – но его дочери все еще у тебя, не так ли? Я видел старшую во дворе с Джоффри.

– Да, это Санса. Я дала понять, что младшая тоже у меня, но это неправда. Я послала за ней Меррина Транта, когда Роберт умер, но вмешался ее проклятый учитель танцев, и девчонка сбежала. С тех пор ее никто не видел. Скорее всего ее нет в живых. В тот день многие расстались с жизнью.

Тирион надеялся, что обе дочери Старка здесь, но делать нечего – придется обойтись одной.

– Расскажи мне о наших друзьях-советниках.

Она оглянулась на дверь:

– А что?

– Отец, похоже, их сильно недолюбливает. Когда я уезжал, он представлял себе, как выглядели бы их головы на стене рядом с головой лорда Старка. – Тирион подался через стол к сестре. – Ты уверена в их преданности? Ты им доверяешь?

– Я никому не доверяю, – отрезала Серсея, – но они мне нужны. Так отец думает, что они ведут нечистую игру?

– Скорее подозревает.

– Почему? Ему что-то известно?

Тирион пожал плечами:

– Ему известно, что недолгое правление твоего сына составило долгую вереницу безумств и несчастий. Из этого следует, что кто-то дает Джоффри скверные советы.

Серсея посмотрела на брата испытующе:

– У Джоффа не было недостатка и в хороших советах. Он всегда отличался сильной волей. Теперь, когда он стал королем, он думает, что должен поступать как хочет, а не как ему велят.

– Короны творят странные вещи с головами, на которые надеты, – согласился Тирион. – То, что случилось с Эддардом Старком, – работа Джоффри?

Королева скорчила гримасу:

– Ему было велено простить Старка, позволить ему облачиться в черное. Эддард навсегда убрался бы с нашей дороги, и мы могли бы заключить мир с его сыном, но Джофф решил устроить народу зрелище позанимательнее. Что мне было делать? Он потребовал головы лорда Эддарда перед доброй половиной города. А Янос Слинг и сир Илин в тот же миг эту голову отчекрыжили, не успела я и слова сказать! – Серсея сжала руку в кулак. – Верховный септон жалуется на то, что мы осквернили септу Бейелора кровью, дав ему ложные сведения относительно наших намерений.

– Его можно понять. Значит, наш *лорд* Слинг принимал в этом прямое участие? Скажи, а кто придумал пожаловать ему Харренхолл и дать место в совете?

– Все это устроил Мизинец. Мы нуждались в золотых плащах Слинга. Эддард Старк стакнулся с Ренли и написал Станнису, предлагая ему трон. Мы могли бы лишиться всего и чуть было не лишились. Если бы Санса не пришла ко мне и не рассказала о планах своего отца...

– Да ну? – поразился Тирион. – Его родная дочь? – Санса всегда казалась ему такой славной девочкой, милой и вежливой.

– Девчонка влюбилась по уши и готова была на все ради Джоффри – пока он не оказал ей королевскую милость, срубив голову ее отцу. Тут ее любовь быстро прошла.

– Его милость, как никто, умеет завоевывать сердца своих подданных, – криво улыбнулся Тирион. – А уволить сира Барристана Селми из Королевской гвардии тоже придумал Джоффри?

– Джоффри хотел возложить на кого-то вину за смерть Роберта, – вздохнула Серсея, – и Варис предложил сира Барристана. Почему бы и нет? Это дало Джейме пост лорда-командующего и место в совете и позволило Джоффу бросить кость своему псу. Джофф очень привязан к Сандору Клигану. Мы собирались предложить Селми земли и замок – это больше, чем старый дуралей заслуживал.

– Я слышал, что этот ничтожный старый дуралей убил двух стражников Слинга, когда они попытались схватить его у Грязных ворот.

Серсея заметно приуныла:

– Яносу следовало бы послать побольше людей. Он не столь надежен, как нам бы хотелось.

– Сир Барристан командовал Королевской гвардией Роберта Баратеона, – указал ей Тирион. – Они с Джейме – единственные, кто остался в живых из семерых гвардейцев Эйериса Таргариена. В народе о нем говорят так же, как о Сервине Зеркальном Щите и о принце Эймоне, Рыцаре-Драконе. Что, по-твоему, станут говорить люди, увидев его рядом с Роббом Старком или Станнисом Баратеоном?

Серсея отвела взор:

– Я об этом не подумала.

– Зато отец подумал. Поэтому он и прислал меня – чтобы положить конец этому безумию и взять в руки твоего сына.

– Если Джофф меня не слушается, он не послушается и тебя.

– Может, и послушается.

– С какой стати?

– Он знает, что ты его не тронешь.

Серсея сузила глаза:

– Если ты думаешь, что я позволю тебе тронуть моего сына, то у тебя бред.

Тирион вздохнул. Она упустила суть, как это часто с ней бывало.

– Я, как и ты, ничего ему не сделаю, – заверил он. – Но мальчик должен *бояться* – только тогда он будет слушаться. – Он взял сестру за руку. – Я твой брат, и я тебе нужен, согласна ты признать это или нет. И твоему сыну я тоже нужен, если он хочет усидеть на своем дурацком железном стуле.

Серсея оторопела, когда он к ней прикоснулся.

– Ты всегда был хитер.

– На свой малый лад, – усмехнулся он.

– Может быть, попытаться стоит... но не надо заблуждаться, Тирион. Если я и приму тебя, ты будешь десницей короля по названию и моей десницей по сути. Ты будешь делиться со мной всеми своими планами и намерениями и не сделаешь ничего без моего согласия. Ты понял меня?

– Еще бы.

– И ты согласен?

– Разумеется, – солгал он. – Я весь твой, сестра. – (Пока это мне необходимо.) – У нас теперь одна цель, и мы не должны иметь секретов друг от друга. Ты говоришь, что лорда Эддарда приказал убить Джоффри, сира Барристана уволил Варис, а лорда Слинта нам навязал Мизинец. Но кто убил Джона Аррена?

Серсея вырвала у него руку:

– Откуда мне знать?

– Безутешная вдова в Орлином Гнезде, похоже, думает, что это был я. Я хотел бы знать, почему эта мысль пришла ей в голову.

– Понятия не имею. Этот дурень Эддард Старк обвинил в том же самом меня. Судя по его намекам, он подозревал... думал...

– Что ты спишь с нашим милым Джейме?

Она ударила его по щеке.

– Думаешь, я столь же слеп, как отец? – Тирион потер ушибленное место. – Мне нет дела, с кем ты спишь... хотя это не совсем справедливо, что ты даешь одному брату и не даешь другому.

Она снова отвесила ему пощечину.

– Потише, Серсея, я ведь шучу. По правде сказать, я предпочел бы смазливую шлюшку. Никогда не мог понять, что находит в тебе Джейме, кроме своего отражения.

Новая оплеуха. Щеки у Тириона горели, но он улыбался.

– Если будешь продолжать в том же духе, я могу и рассердиться.

Она удержала руку:

– А мне-то что?

– У меня появились новые друзья, которые тебе не понравятся. Как ты убила Роберта?

– Он сам себя убил. Мы только помогли. Когда Роберт погнался за вепрем, Лансель подал ему крепкого вина. Его любимое красное, но в три раза крепче того, к которому он привык. Мой дурак любил это пойло. Ему бы остановиться вовремя – но нет, он выхлестал один мех и послал Ланселя за другим. Вепрь довершил остальное. Жаль, что тебя не было на поминках, Тирион. Ты никогда еще не пробовал столь чудесного кабана. Его зажарили с грибами и яблоками, и у него был вкус триумфа.

– Поистине, сестра, ты родилась, чтобы стать вдовой. – Тириону скорее нравился Роберт, этот здоровенный хвастливый болван... отчасти, безусловно, и потому, что Серсея его терпеть не могла. – А теперь, если ты уже перестала лупить меня по щекам, я удаляюсь. – Он обхватил ножки стула своими ногами и неуклюже сполз на пол.

– Я не разрешала тебе удалиться, – нахмурилась Серсея. – Я хочу знать, как ты намерен освободить Джейме.

– Я скажу тебе, когда сам буду знать. Замысел, как всякий плод, должен созреть. Сейчас я собираюсь проехать по городу и посмотреть, как обстоят в нем дела. – Тирион положил руку на голову сфинкса у двери. – Прежде чем уйти, хочу попросить тебя: позаботься о том, чтобы Санса Старк была цела и невредима. Обидно будет потерять обеих дочерей.

Выйдя из зала совета, Тирион кивнул сиру Мендону и зашагал прочь по длинному сводчатому коридору. Бронн поравнялся с ним, но Тиметт, сын Тиметта, исчез бесследно.

– А где наша Красная Рука? – осведомился Тирион.

– Пошел осматривать замок. Такие, как он, не созданы для долгого ожидания за дверью.

– Надеюсь, он не убьет никого из важных персон. – Воины, которых Тирион привел с собой из Лунных гор, были преданы ему на свой дикарский лад, но отличались гордым нравом и вспыльчивостью и на всякое оскорбление, действительное или воображаемое, отвечали сталью. – Постарайся найти его, а заодно позаботься, чтобы разместили и накормили всех остальных. Я хочу, чтобы их поселили в казарме под башней Десницы, только пусть управляющий не помещает Каменных Ворон рядом с Лунными Братьями, а Обгорелых и вовсе надо отделить от других.

– А ты что будешь делать?

– Поеду обратно в «Сломанную наковальню».

– Без охраны? – ухмыльнулся Бронн. – Говорят, на улицах опасно.

– Я вызову капитана сестриной стражи и напому ему, что я Ланнистер не меньше, чем она. Пусть не забывает, что он присягал Утесу Кастерли, а не Серсее или Джоффри.

Час спустя Тирион выехал из Красного замка в сопровождении дюжины ланнистерских гвардейцев в червонных плащах и с гребнями на шлемах. Проезжая под воротами, он увидел головы, выставленные на стене. Почерневшие от разложения и смолы, они давно уже стали неузнаваемыми.

– Капитан Виларр, – сказал Тирион, – я хочу, чтобы к завтрашнему дню их сняли. Отдайте их Молчаливым Сестрам для погребения. – «Трудненько будет понять, какая к какому телу принадлежит, – подумал он, – но делать нечего. Даже в разгар войны нужно соблюдать какие-то приличия».

Виларр заколебался:

– Его милость приказал, чтобы головы изменников оставались на стене, пока он не займет три оставшиеся свободными пики.

– Дайте-ка угадаю. Одна для Робба Старка, две другие для лордов Станниса и Ренли, не так ли?

– Точно так, милорд.

– Моему племяннику нынче исполнилось тринадцать, Виларр, – не забывайте об этом. Завтра этих голов здесь не будет, иначе одна из пустых пик может получить несколько иное украшение. Вы меня поняли, капитан?

– Я сам присмотрю за тем, чтобы их убрали, милорд.

– Вот и хорошо. – Тирион тронул коня каблуками и пустился рысью, предоставляя красным плащам поспевать за собой.

Он сказал Серсее, что намерен посмотреть, как дела в городе, и это была не совсем ложь. Тириону Ланнистеру не слишком нравилось то, что он видел. Улицы Королевской Гавани всегда были людными и крикливыми, но теперь здесь чувствовалась угроза – Тирион не помнил такого по своим прошлым посещениям. На улице Ткачей валялся в канаве голый труп, и стая бездомных собак терзала его, однако никто не вмешивался. Многочисленные стражники расхаживали повсюду парами в своих золотых плащах, черных кольчужных рубахах и с железными дубинками под рукой. На рынках оборванные люди распродавали свои пожитки за любую цену, которую им давали... и наблюдался явный недостаток крестьян, продающих съестное. То немного, что имелось в наличии, стоило втрое дороже, чем год назад. Один торговец предлагал крыс, зажаренных на вертеле, выкрикивая: «Свежие крысы! Свежие крысы!» Свежие крысы, конечно, предпочтительнее тухлых, с этим не поспоришь. Пугало то, что эти крысы выглядели аппетитнее, чем большая часть продаваемого в мясных рядах. На Мучной улице чуть ли не у каждой лавки стояла охрана. «В тяжелые времена наемники стоят дешевле, чем хлеб», – подумал Тирион.

– С привозом дело плохо? – спросил он Виларра.

– Неважно, – признался тот. – В Речных землях идет война, а лорд Ренли поднимает мятежников в Хайгардене, поэтому дороги на юг и на запад перекрыты.

– Что предпринимает по этому поводу моя дражайшая сестра?

– Она стремится укрепить город. Лорд Слонт утроил численность городской стражи, а королева поставила тысячу мастеровых на оборонные работы. Каменщики укрепляют стены, плотники сотнями строят скорпионы и катапульты, лучных дел мастера готовят стрелы, кузнецы куют клинки, а Гильдия алхимиков пообещала выставить десять тысяч горшков дикого огня.

Тирион беспокойно поерзал в седле. Его порадовало, что Серсея не сидит сложа руки, но дикий огонь – предательская штука, а десять тысяч горшков способны всю Королевскую Гавань превратить в головешки.

– Где же сестра взяла деньги, чтобы заплатить за все это? – Ни для кого не было тайной, что король Роберт обременил казну долгами, алхимики же бескорыстием никогда не славилась.

– Лорд Мизинец всегда изыщет способ, милорд. Он учредил налог для тех, кто хочет войти в город.

– Да, это верный доход. – «Умно, – подумал Тирион. – Умно и жестоко». Десятки тысяч людей бегут от войны в мнимую безопасность Королевской Гавани. Он видел их на Королевском тракте – детей, матерей и озабоченных отцов, провожавших его лошадей и повозки жадными глазами. Добравшись до города, они, безусловно, отдадут все, что у них есть, только бы пройти за эти высокие надежные стены... хотя они крепко бы призадумались, если бы знали о диком огне.

Гостиница под вывеской, изображающей сломанную наковальню, стояла неподалеку от городских стен, близ Божьих ворот, через которые Тирион утром въехал в город. Мальчишка-конюх подбежал, чтобы помочь Тириону сойти с коня.

– Отправляйтесь со своими людьми обратно в замок, – сказал карлик Виларру. – Я буду ночевать здесь.

– Не опасно ли это, милорд? – усомнился Виларр.

– Что вам сказать, капитан? Когда я покидал эту гостиницу утром, в ней было полно Черноухих. С Челлой, дочерью Чейка, никто не может считать себя в безопасности. – И Тирион ушел в дом, оставив озадаченного капитана снаружи.

В общей комнате его встретили бурным весельем. Он узнал гортанный хохоток Челлы и мелодичный смех Шай. Девушка пила вино за круглым столиком у очага вместе с тремя Черноухими, которых Тирион оставил ее охранять, и каким-то толстяком, сидящим к нему спиной. «Должно быть, хозяин гостиницы», – подумал Тирион, но тут Шая обратилась к нему по имени, и незнакомец встал.

– Дражайший милорд, как я рад вас видеть, – воскликнул евнух со сладкой улыбкой на покрытом пудрой лице.

– Лорд Варис? – опешил Тирион. – Не ожидал встретить вас здесь. – Иные его побери: как он ухитрился разыскать их так быстро?

– Извините за вторжение. Мне не терпелось познакомиться с вашей молодой леди.

– Молодая леди, – смакуя, повторила Шая. – Вы наполовину правы, милорд, – я и верно молода.

«Восемнадцать лет, – подумал Тирион. – Ей восемнадцать, и она шлюха, но сообразительная, ловкая в постели, как кошечка, с большими темными глазами, густой гривой черных волос, сладким, мягким, жадным ротиком... и моя! Будь ты проклят, евнух».

– Боюсь, что это я вторгся к вам, лорд Варис, – с деланной учтивостью сказал он. – Когда я вошел, вы все от души веселились.

– Милорд Варис хвалил Челлины уши и говорил, что ей, наверное, многих пришлось убить, чтобы составить такое прекрасное ожерелье, – пояснила Шая. Тириона покорило, что она называет Вариса милордом: так она и его звала в шутку во время их любовных игр. – А Челла сказала ему, что только трусы убивают побежденных.

– Храбрые оставляют человека в живых и дают ему случай смыть свой позор, отобрав свое ухо обратно, – внесла ясность Челла, маленькая смуглая женщина, чье жуткое ожерелье насчитывало сорок шесть человеческих ушей, высохших и сморщенных. Тирион как-то раз сосчитал. – Только так ты можешь доказать, что не боишься врагов.

– А милорд сказал, – прыснула Шая, – что он не мог бы спать, будь он Черноухим, – ему все время бы снились одноухие враги.

– Мне такая опасность не грозит, – заметил Тирион. – Я своих врагов боюсь и потому всех их убиваю.

– Не хотите ли выпить с нами, милорд? – хихикнув, спросил Варис.

– Охотно. – Тирион сел рядом с Шайей. В отличие от нее и Челлы он понимал, что здесь происходит. Варис явился сюда даром. Когда он говорит: «Мне не терпелось познакомиться с вашей молодой леди», это значит: «Ты хотел спрятать ее, но я узнал, где она и кто она такая, и вот я здесь». Тириону хотелось знать, кто его предал. Хозяин, мальчишка-конюх, стражник у ворот... или кто-то из его собственных людей?

– Я люблю возвращаться в город через Божьи ворота, – сказал Варис Шайе, наполняя кубки вином. – Фигуры на них так прекрасны, что каждый раз вызывают у меня слезы. Эти глаза так выразительны, правда? Кажется, будто они следят за тобой, когда ты проезжаешь под сводом.

– Я не заметила, милорд. Завтра схожу посмотрю, если хотите.

«Не беспокойся, милая, – подумал Тирион, покачивая свой кубок. – Плевать он хотел на эти фигуры. Глаза, о которых он толкует, – его собственные. Он хочет сказать, что следил за нами, и узнал, что мы здесь, в тот же миг, как мы проехали в ворота».

– Будьте осторожны, дитя мое, – говорил Варис. – Сейчас в Королевской Гавани небезопасно. Я хорошо знаю эти улицы, но сегодня испытывал почти что страх, думая, как пойду сюда одинокий и безоружный. В наши смутные времена повсюду подстерегают злодеи, да-да. Люди с холодной сталью и еще более холодными сердцами. – «Куда я пришел один и без оружия, могут прийти и другие с мечами в руках», – подразумевала его речь.

Но Шая только посмеялась:

– Если они захотят напасть на меня, Челла живо с ними разделается, и у них станет на одно ухо меньше.

Варис расхохотался, словно в жизни ничего смешнее не слышал. Но в его глазах, когда он перевел их на Тириона, не было смеха.

– С вашей молодой леди очень приятно беседовать. На вашем месте я очень хорошо заботился бы о ней.

– Я так и делаю. Если кто-то попробует тронуть ее... я слишком мал, чтобы быть Черноухим, и на мужество не претендую. – (Видишь? Я говорю на твоём языке, евнух. Тронь ее только – и ты лишишься головы.)

– А теперь я вас оставлю, – сказал Варис и встал. – Я знаю, как вы должны быть утомлены. Я хотел только приветствовать вас, милорд, и сказать, как я рад вашему приезду. Наш совет очень нуждается в вас. Вы видели комету?

– Я карлик, но не слепой. – На Королевском тракте ему казалось, что комета пылает на полнеба, затмевая луну.

– В городе ее называют Красной Вестницей. Говорят, что она идет, как герольд перед королем, оповещая о грядущих огне и крови. – Евнух потер свои напудренные руки. – Вы позволите загадать вам на прощание загадку, лорд Тирион? В одной комнате сидят три больших человека: король, священник и богач. Между ними стоит наемник, человек низкого происхождения и невеликого ума. И каждый из больших людей приказывает ему убить двух других. «Убей их, – говорит король, – ибо я твой законный правитель». «Убей их, – говорит священник, – ибо я приказываю тебе это от имени богов». «Убей их, – говорит богач, – и все это золото будет твоим». Скажите же – кто из них останется жив, а кто умрет? – И евнух с глубоким поклоном вышел из комнаты в своих мягких туфлях.

Челла фыркнула, а Шая наморщила свое хорошенькое личико.

– Жив останется богач – правда?

Тирион задумчиво пригубил вино:

– Все может быть. Мне думается, это зависит от наемника. – Он поставил кубок. – Пойдем-ка наверх.

Ей пришлось подождать его на верхней ступеньке, потому что у нее ноги были стройные и легкие, а у него – короткие и спотыкливые. Но Шая встретила его улыбкой.

– Ты по мне скучал? – поддразнила она, беря его за руку.

– Ужасно, – признался он. Ее рост был чуть выше пяти футов, однако ему все равно приходилось смотреть на нее снизу вверх. Только с ней ему это не мешало. На нее приятно было смотреть снизу.

– Ты будешь скучать по мне все время в своем Красном замке, – сказала она, идя с ним в свою комнату. – Когда будешь лежать в холодной постели в башне Десницы.

– Это чистая правда. – Тирион охотно взял бы ее с собой, но его лорд-отец запретил ему. «Свою шлюху ты ко двору не потащишь», – заявил лорд Тайвин. Привезти ее в город – это было все, на что осмелился Тирион. Его положение целиком зависит от лорда-отца, и

девушке придется это понять. – Но ты будешь жить неподалеку. У тебя будет дом с охраной и слугами, и я буду навещать тебя так часто, как только смогу.

Шая ногой распахнула дверь. Сквозь мутные стекла узкого окошка была видна Великая септа Бейелора, венчающая холм Висеньи, но Тириона отвлекло другое зрелище. Шая, нагнувшись, взялась за подол своего платья, стянула его через голову и швырнула в сторону. Белья она не признавала.

– Ты не будешь знать отдыха, – сказала она, стоя перед ним, розовая и прелестная, с рукой на бедре. – Будешь думать обо мне всякий раз, когда ляжешь в постель. Между ног у тебя отвердеет, а помочь будет некому, и ты ни за что не уснешь, если только... – На лице Шаи появилась вредная ухмылочка, которую Тирион так любил. – Не потому ли эта башня называется башней Десницы, а, милорд?

– Замолчи и поцелуй меня, – приказал он.

Он почувствовал вино на ее губах, и ее маленькие твердые груди, пока она развязывала его бриджи.

– Мой лев, – прошептала она, когда он прервал поцелуй, чтобы раздеться. – Мой сладкий лорд, мой гигант Ланнистер. – Тирион толкнул ее на кровать. Когда он вошел в нее и ее ногти впились Тириону в спину, она закричала так, что Бейелор Благословенный, должно быть, проснулся в своей гробнице. Никогда еще боль не приносила ему такого удовольствия.

«Дурак, – подумал он потом, когда они лежали на провисшем тюфяке среди скомканных простыней. – Неужто жизнь ничему тебя не научила, карлик? Она шлюха, будь ты проклят, и любит твои деньги, а не твои мужские достоинства. Помнишь Тишу?» Но когда его пальцы коснулись ее соска, тот отвердел, и он увидел у нее на груди след своего страстного укуса.

– Что ты будешь делать теперь, когда стал десницей короля, милорд? – спросила она, когда он взял в ладонь этот теплый славный холмик.

– То, чего Серсея не ожидает, – произнес Тирион, наклоняя голову к ее стройной шейке. – Вершить правосудие.

Бран

Бран предпочитал твердый камень подоконника мягкой перине и одеялам. В постели стены и потолок давили на него, в постели комната была его камерой, а Винтерфелл – тюрьмой. Широкий мир за окном манил его к себе.

Он не мог ни ходить, ни лазать, ни охотиться, ни сражаться деревянным мечом, как раньше, – но смотреть он мог. Он любил смотреть, как в Винтерфелле загораются огни, когда за ромбами окон башен и зданий зажигают свечи и растапливают камины, любил слушать, как поют на звезды лютоволки.

Последнее время волки часто снились ему. «Они говорят со мной, как с братом», – думал он, когда они поднимали вой. Он почти что понимал их... не то чтобы по-настоящему, но почти... точно они пели на языке, который он знал когда-то, а потом забыл. Пусть Уолдеры боятся, а в Старках течет волчья кровь. Так сказала ему Старая Нэн, добавив: «Только в одних она сильнее, чем в других».

Долгий, печальный вой Лета был полон горя и тоски, Лохматый Песик был более свирепым. Их голоса разносились эхом по дворам и залам, пока весь замок не начинал гудеть, и тогда казалось, что в Винтерфелле целая стая волков, а не двое... Двое, а раньше было шестеро. «Может, они тоже скучают по своим братьям и сестрам? – думал Бран. – Может, это они зовут Серого Ветра и Призрака, Нимерию и Леди? Хотят, чтобы они вернулись домой и стая собралась снова?»

«Кто поймет, что на уме у волка?» – сказал сир Родрик Кассель, когда Бран спросил его, почему они воют. Леди-мать Брана назначила сира Родрика кастеляном на время своего отсутствия, и его обязанности не оставляли ему времени на всякие пустяки.

«Это они на волю просятся, – заявил Фарлен, мастер над псарней, любивший волков не больше, чем его собаки. – Им не нравится сидеть взаперти, и винить их в этом нельзя. Дикий зверь должен жить на воле, а не в замке».

«Они хотят поохотиться, – предположил повар Гейдж, кидая кубики сала в большой котел с похлебкой. – У волка чутье куда лучше, чем у человека. Уж верно они чуют какую-нибудь дичину».

Мейстер Лювин был другого мнения: «Волки часто воют на луну – а наши воют на комету. Видишь, какая она яркая, Бран? Быть может, они думают, что это луна».

Когда Бран повторил это Оше, она громко рассмеялась. «У твоих волков мозгов побольше, чем у твоего мастера. Они знают то, что этот серый человек давно забыл». То, как она это сказала, заставило Брана вздрогнуть, а когда он спросил у нее, что означает комета, она ответила: «Пламя и кровь, мальчик, – ничего хорошего».

Септона Шейли Бран тоже спросил про комету, когда они вместе разбирали свитки, уцелевшие после пожара в библиотеке. «Это меч, убивающий лето», – сказал септон, и когда из Староместа вскоре прилетел белый ворон с известием о начале осени, стало ясно, что он был прав.

Но Старая Нэн думала иначе, а она жила на свете дольше, чем любой из них. «Драконы, – сказала она, подняв голову и пригнувшись. Она почти совсем ослепла и не могла видеть комету, но уверяла, что чувствует ее. – Это драконы, мальчик». Нэн никогда не величала его принцем.

Ходор сказал только «Ходор» – больше ничего он говорить не умел.

А волки все выли и выли. Часовые на стене ругались, собаки в конурах лаяли как оголтелые, кони в стойлах брыкались, Уолдеры у огня тряслись, и даже мастер Лювин жаловался, что не может спать по ночам. Только Бран ничего не имел против. Сир Родрик приговаривал волков к заточению в богороще после того, как Лохматый Песик укусил Уолдера Малого, но камни Винтерфелла проделывали со звуком странные вещи, и порой Брану казалось, что волки здесь, во дворе, у него под окном. А в другие разы он мог поклясться, что они бегают по крепостной стене, как часовые. Он жалел, что не может их видеть.

Зато комету, висющую над караульной и Колокольной, он видел отлично. Чуть дальше стояла Первая Твердыня, круглая и приземистая, и ее горгульи чернели на фоне лилового зари. Раньше Бран знал там каждый камень и внутри, и снаружи; он облазил все эти строения, взбираясь по стенам с такой же легкостью, как другие мальчишки по лестнице. Их кровли были его тайными убежищами, а вороны на верхушке разрушенной башни – его закадычными друзьями.

А потом он упал.

Бран этого не помнил, но все говорили, что он упал, – значит это скорее всего правда. Он чуть не умер тогда. Теперь, когда он видел обветшавших от непогоды горгулий на Первой Твердыне, где с ним это случилось, что-то сжималось у него в животе. Больше он не мог ни лазать, ни бегать, ни ходить, ни биться на мечах, и бывшие его мечты о рыцарстве приобрели прокисший вкус.

Лето выл в тот день, когда упал Бран, и долго после, когда он лежал переломанный в постели, – об этом сказал Брану Робб, уходя на войну. Лето скорбел о нем, а Лохматый Песик и Серый Ветер разделяли его горе. И в ту ночь, когда ворон принес весть о смерти отца, волки тоже узнали это. Бран был с Риконом в башне мастера, и они говорили о Детях Леса, когда Лето и Лохматый Песик заглушили речь Лювина своим воем.

Кого они оплакивают теперь? Может быть, враги убили Короля Севера, который прежде был его братом Роббом? Или его сводный брат, бастард Джон Сноу, упал со Стены? А может, умерла мать или кто-то из сестер? Или дело в чем-то другом, как думают мастер, септон и Старая Нэн?

«Будь я по-настоящему лютоволком, я понимал бы их песню», – грустно думал Бран. В своих волчьих снах он бегал по склонам гор, торосистых ледяных гор выше всякой башни, и стоял на вершине под полной луной, видя у своих ног весь мир, как в былые времена.

– Оооооооо, – попробовал провыть Бран. Он приложил ладони ковшом ко рту и поднял голову к комете: – Оооооооооооооооо, аоооооооооо. – Звук получился глупый, тонкий и жалкий – сразу слышно, что воет мальчик, а не волк. Но Лето сразу отозвался, перекрыв своим низким басом тоненький голос Брана, и Лохматый Песик примкнул к хору. Бран снова испустил долгий звук, и они стали выть вместе, последние из стаи.

На шум явился часовой, Хэйхед с шишкой на носу. Он увидел, что Бран воет у окна, и спросил:

– Что случилось, мой принц?

Брану было странно, что его называют принцем, – хотя он и правда наследник Робба, а Робб теперь Король Севера. Он повернул голову и завыл на стражника:

– Оооооооооо. Ооо-оо-ооооооооооо.

Хэйхед сморщился:

– А ну-ка перестаньте.

– Ооооооооо-оооооооо. Оооооо-ооо-ооооооооооо.

Часовой ретировался и вернулся с мейстером Лювином – в сером, с тугой цепью на шее.

– Бран, эти звери и без тебя производят достаточно шума. – Он прошел через комнату и положил руку мальчику на лоб. – Час поздний, и тебе давно пора спать.

– Я разговариваю с волками. – Бран стряхнул руку мейстера.

– Может быть, Хэйхед уложит тебя в постель?

– Я сам могу лечь. – Миккен вбил в стену ряд железных брусьев, и Бран мог передвигаться по комнате на руках. Это было дело долгое, трудное, и потом у него болели плечи, но Бран терпеть не мог, когда его носили.

– Только я не хочу спать и не буду.

– Все должны спать, Бран. Даже принцы.

– Когда я сплю, я превращаюсь волка. – Бран отвернулся и снова стал смотреть в ночь. – А волкам снятся сны?

– Я думаю, всем живым существам они снятся – только не такие, как у людей.

– А мертвым? – Бран подумал об отце, чье изваяние высекал каменотес в темной крипте под Винтерфеллом.

– На этот счет говорят по-разному, а сами мертвые молчат.

– А деревьям?

– Деревьям? Нет.

– А вот и снятся, – с внезапной уверенностью сказал Бран. – Им снятся свои сны. Мне иногда снится дерево. Чардрево, как у нас в богороще. Оно зовет меня. Только волчьи сны лучше. Я чую разные запахи, а иногда чувствую вкус крови.

Мейстер Лювин оттянул цепь, натиравшую ему шею.

– Тебе бы проводить побольше времени с другими детьми...

– Ненавижу других детей. – Бран подразумевал Уолдеров. – Я же приказывал, чтобы их отправили прочь.

– Фреи – воспитанники твоей леди-матери, – посуровел мейстер, – и присланы сюда по ее особому указанию. Ты не можешь прогнать их – кроме того, это нехорошо. Куда они денутся, если мы их прогоним?

– К себе домой. Это из-за них меня разлучили с Летом.

– Маленький Фрей не хотел, чтобы на него нападали, – не больше, чем я.

– Это был Лохматый Песик. – Большой черный волк Рикона так одичал, что даже Бран иногда его боялся. – Лето никогда никого не кусал.

– Лето перервал человеку горло в этой самой комнате – забыл? Пойми: те милые волчата, которых вы с братьями нашли в снегу, выросли в опасных зверей. Фреи правильно делают, что опасаются их.

– Это Уолдеров надо было отправить в богорощу. Пусть бы играли там в своего «лорда Переправы», а Лето опять бы спал со мной. Если я принц, почему вы меня не слушаетесь? Я хочу кататься на Плясунье, а Элбелли не выпускает меня за ворота.

– И правильно делает. В Волчьем лесу опасно – ты сам должен был это понять после своей последней прогулки. Хочешь, чтобы разбойники взяли тебя в плен и продали Ланнистерам?

– Лето спас бы меня, – упорствовал Бран. – Принцам всегда разрешают плавать по морю, охотиться на вепря в лесу и поражать цель копьем.

– Бран, дитя мое, зачем ты так мучаешь себя? Когда-нибудь ты сможешь проделать все это, но пока что тебе всего восемь лет.

– Лучше бы я был волком. Тогда я жил бы в лесу, спал, когда захочу, и нашел бы Арью и Сансу. Я отыскал бы их по запаху и спас, а когда Робб пошел бы в бой, я дрался бы рядом с ним, как Серый Ветер. Я разорвал бы глотку Цареубийцы своими зубами, вот так, и война бы кончилась, и все вернулись бы в Винтерфелл. Если бы я был волком. – И Бран завыл: – Оооооо-ооо-оооооооо.

Лювин повысил голос:

– Настоящий принц оказал бы радушный...

– АААААА-ООООООООО, – завыл Бран еще громче. – ОООООО-ОООООООООО.

– Ну, как знаешь, – сдался мейстер и ушел с горестным и в то же время недовольным видом.

Когда Бран остался один, выть ему сразу расхотелось, и через некоторое время он умолк. «Я и оказал им радушный прием, – с обидой сказал он про себя. – Я вел себя как настоящий лорд Винтерфелла – разве не так?» Когда Уолдеры только прибыли из Близнецов, это Рикон хотел, чтобы они уехали. «Хочу мать, отца и Робба, – визжал четырехлетний малыш, – а не этих чужих мальчиков». Как раз Брану пришлось его успокаивать и оказывать Фреям радушный прием. Он предложил им мясо, мед и место у огня – даже мейстер Лювин сказал потом, что он молодец.

Но это все было до игры.

Для игры необходимо было бревно, шест, водоем и большое количество шума. Главное условие составляла вода, как заявили Брану оба Уолдера. Вместо бревна можно обойтись доской или даже рядом камней, а вместо шеста взять ветку, да и кричать не обязательно, но без воды играть невозможно. Поскольку мейстер Лювин и сир Родрик не отпускали детей в Волчий лес на поиски ручья, пришлось ограничиться одним из мутных прудов в богороще. Уолдеры никогда еще не видели, как горячая вода выходит из земли с пузырями, но оба согласились, что так играть будет еще лучше.

Их обоих звали Уолдер Фрей. Уолдер Большой сказал, что в Близнецах целая куча Уолдеров, и все они названы в честь их деда, лорда Уолдера Фрея. «А в Винтерфелле у всех свои имена», – надменно заявил Рикон, услышав об этом.

По правилам игры бревно клали поперек водоема, и один игрок становился посередине с шестом. Это и был лорд Переправы, и когда другие приближались к нему, он говорил: «Я лорд Переправы, кто идет?» Тогда другой игрок должен был сказать, кто они такие и зачем им нужно переправиться на ту сторону. Лорд мог заставить его поклясться и ответить на его вопросы. Правду говорить было не обязательно, но клятву надо было соблюдать, пока не скажешь «может быть», и весь фокус заключался в том, чтобы сказать «может быть» так, чтобы лорд Переправы не заметил. Тогда можно было попробовать сшибить лорда в воду и стать лордом самому, но только если ты сказал «может быть» – иначе ты вылетал из игры. Лорд же мог скинуть в воду кого и когда угодно, и палка была только у него.

На деле игра сводилась к пиханию, тычкам и падениям, а также спорам о том, сказал кто-то «чур-чура» или нет. Уолдер Малый был лордом Переправы чаще других.

Он назывался Уолдером Малым, хотя был высок и толст, с красным лицом и большим круглым пузом. Уолдер Большой был, наоборот, тощим, остролицым и на полфута ниже

Малого. «Он на пятьдесят два дня старше меня, – объяснял Уолдер Малый, – потому и считается, что он больше, зато я расту быстрее».

– Мы двоюродные братья, а не родные, – добавлял маленький Уолдер Большой. – Моего отца зовут Джеммос – он сын лорда Уолдера от четвертой жены. А мой кузен – Уолдер, сын Меррета. Его бабушка была Крейкхолл, третья жена лорда Уолдера, и как наследник он стоит впереди меня, хотя я и старше.

– Всего на пятьдесят два дня, – возражал Уолдер Малый. – И Близнецы все равно никому из нас не достанутся, глупая голова.

– Нет, достанутся – мне. Впрочем, мы не единственные Уолдеры. У сира Стеврона есть внук, Уолдер Черный, четвертый по очереди наследник, есть Уолдер Рыжий, сын сира Эммона, и Уолдер Бастард – он вообще не наследник и зовется Риверс, а не Фрей. И еще девочки, которых зовут Уолдами.

– И Тир. Ты всегда забываешь про Тира.

– Он Уолтир, а не Уолдер. И он идет после нас, поэтому его можно не считать. Ну его, он мне никогда не нравился.

Сир Родрик поселил их в бывшей опочивальне Джона Сноу, потому что Джон теперь Ночной Дозорный и никогда не вернется домой. Брану это пришлось очень не по душе – как будто Фрей пытались занять место Джона.

Он с грустью смотрел, как Уолдеры играют с кухонной девчонкой Репкой и дочками Джозета, Банди и Широю. Уолдеры объявили, что Бран будет судьей, который решает, кто сказал «может быть», а кто нет, но когда игра началась, они тут же забыли о нем.

Крики и плеск скоро привлекли других игроков: Паллу с псарни, Келона, сынишку Кейна, Тома младшего, чей отец, Толстый Том, погиб вместе с отцом Брана в Королевской Гавани. Все они очень быстро промокли и перепачкались. Палла, черная с головы до пят, со мхом в волосах, задыхалась от смеха. Бран не слышал, чтобы столько смеялись, с той самой ночи, когда прилетел кровавый ворон. «Будь у меня ноги, я их всех пошибал бы в воду, – с горечью подумал он. – Никто не смог бы стать лордом Переправы, кроме меня».

Под конец из богорожи прибежал Рикон вместе с Лохматым Песиком. Он посмотрел, как Репка с Уолдером Малым дерутся из-за палки. Репка потеряла равновесие и со страшным плеском плюхнулась в воду, а Рикон закричал: «Я! Теперь я! Я тоже хочу играть!» Уолдер Малый поманил его к себе, и Лохматый Песик хотел тоже прыгнуть на бревно. «Нет, Лохматик, – сказал ему Рикон, – волков в игру не берут. Оставайся с Браном». И волк остался.

Он сидел смирно, пока Уолдер Малый не перетянул Рикона палкой поперек живота. Не успел Бран и глазом моргнуть, волк махнул на бревно, вода окрасилась кровью, и Уолдеры завопили что есть мочи. Рикон смеялся, сидя в грязи, и Ходор примчался к пруду с криком: «Ходор! Ходор! Ходор!»

После этого случая Рикон, как ни странно, проникся приязнью к Уолдерам. Больше они не играли в «лорда Переправы», зато играли в «чудовище и деву», в «кошки-мышки», в «приди ко мне в замок» и всякое другое. Когда Рикон был на их стороне, Уолдеры вторгались на кухню за пирожками и пряниками, носились по крепостным стенам, бросали кости щенкам в конурах и упражнялись с деревянными мечами под бдительным надзором сира Родрика. Рикон показал им даже глубокие склепы под замком, где каменотес трудился над памятником отцу. «Не имеешь права! – наорал Бран на младшего, узнав об этом. – Это наше место, место Старков!» Но Рикон и ухом не повел.

...Дверь в опочивальню открылась. Вошел мейстер Лювин с зеленым кувшинчиком, в сопровождении Оши и Хэйхеда.

– Я приготовил тебе сонный настой, Бран.

Оша подхватила его в охапку – она была очень высока для женщины, жилистая и сильная – и без труда отнесла на кровать.

– Теперь ты будешь спать без сновидений, – сказал мейстер, раскупоривая кувшин. – Крепко и сладко.

– Правда? – Брану очень хотелось в это поверить.

– Да. Пей.

Бран выпил. Снадобье было густое и отдавало мелом, но в него добавили мед, и оно легко пошло внутрь.

– Завтра тебе станет лучше. – Лювин улыбнулся Брану, потрепал его по голове и вышел, но Оша задержалась и спросила:

– Снова волчьи сны?

Бран кивнул.

– Ты бы не боролся так, мальчик. Я видела, как ты говорил с сердце-деревом. Быть может, боги пытаются ответить тебе.

– Боги? – уже сонно пробормотал он. Лицо Оши расплылось и стало серым. Сладко и крепко, подумал он.

Но когда тьма сомкнулась над ним, он очутился в богороще. Он тихо пробирался между серо-зелеными страж-деревьями и скрюченными дубами, старыми, как само время. «А ведь я хожу», – ликующе подумал он. Частью души он признавал, что это только сон, но даже сон о том, что он ходит, был лучше, чем действительность его опочивальни: стены, потолок и дверь.

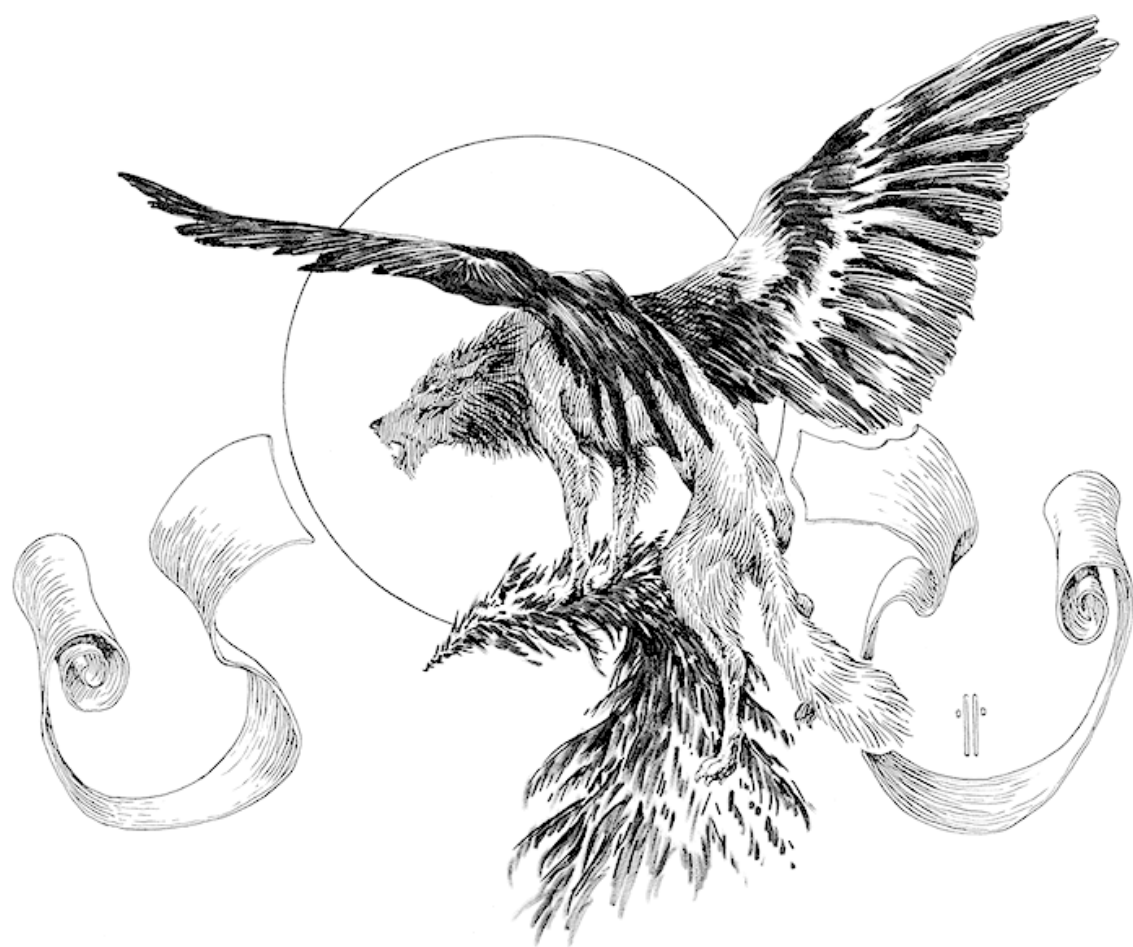
Между деревьями было темно, но комета освещала ему путь, и ноги ступали уверенно. Он шел на четырех ногах, здоровых, быстрых и сильных, чувствовал под собой землю, тихое потрескивание палых листьев, толстые корни и твердые камни, глубокие слои лесной подстилки. Это было славное чувство.

Запахи наполняли его голову, живые и пьянящие: пахучий зеленый ил горячих прудов, густой перегной под лапами, белки на дубах. Запах белок напоминал ему вкус горячей крови и косточки, хрустящие на зубах. Его рот наполнился слюной. Он ел всего полдня назад, но в мертвом мясе нет радости, даже если это оленина. Он слышал, как стрекочут и шуршат белки над ним, в безопасности среди своих листьев: они не так глупы, чтобы спускаться вниз, где он бегает с братом.

Брата он тоже чувствовал. Знакомый запах, сильный и земляной, черный, как братнина шерсть. Брат носился вдоль стен, полный ярости. Круг за кругом, день и ночь, неутомимо ищущий... добычу, выход, мать, других братьев и сестер, свою стаю... ищущий и никогда не находящий.

Стены высились за деревьями, мертвые человеческие скалы, со всех сторон замыкающие этот кусочек живого леса. Пятнистые, серые, поросшие мхом, но толстые, крепкие и высокие – через такие ни один волк не перепрыгнет. Холодное железо и расщепленное дерево загораживали все отверстия, оставленные в этих горах камней. Брат останавливался у каждой дыры и яростно щерил клыки, но путь оставался закрытым.

Он сам кружил так же в первую ночь, но понял, что пользы от этого никакой. Рычи не рычи, путь все равно не откроется. Сколько ни бегай вдоль стен, они не отступят. Сколько ни задирай ноги, чтобы пометить деревья, человека не отпугнешь. Мир вокруг них сузился, но за огороженными стенами лесом по-прежнему стоят большие серые скалы с человеческими пещерами. *Винтерфелл*, вспомнил он внезапно. А за высокими, до неба, человеческими утесами зовет настоящий мир – и он должен ответить на зов или умереть.

Арья

Они ехали с рассвета до сумерек, мимо лесов, плодовых садов и опрятных полей, через деревеньки, шумные рыночные города и крепкие остроги. Когда темнело, они разбивали лагерь и ели при свете Красного Меча. Мужчины поочередно несли стражу. За деревьями Арья замечала костры других путников. С каждой ночью их становилось все больше, и с каждым днем Королевский тракт делался все более людным.

Они шли и утром, и днем, и ночью, старики и малые дети, мужчины высокого и низкого роста, босоногие девушки и женщины с младенцами на руках. Некоторые ехали в фермерских повозках или тряслись в телегах, запряженных волами. Еще больше народу ехало верхом – на тягловых лошадях, пони, мулах, ослах, на всем, что могло передвигать ноги. Одна женщина вела за собой дойную корову с маленькой девочкой на спине. Кузнец толкал тележку со своим инструментом – молотками, щипцами и даже наковальней, а чуть позже Арья увидела другого мужчину с тележкой, где лежали двое детишек, завернутых в одеяло. Больше всего людей двигалось пешком – с пожитками на плечах, усталые, настороженные. Они шли на юг, к Королевской Гавани, и едва ли один из ста перекидывался словом с Йореном и его подопечными, едущими на север. Арья не понимала, почему в ту сторону никто больше не направляется.

Многие путники были вооружены. Арья видела кинжалы, серпы, топоры, а кое-где и мечи. Некоторые делали себе из толстых веток дубинки или узловатые посохи. Люди сжимали свое оружие в руках и не сводили глаз с катящихся мимо повозок Йорена, однако пропускали их. Тридцать человек – это внушительная сила, что бы они ни везли в своих повозках.

«Смотри своими глазами, – говорил Сирио. – Слушай своими ушами».

Однажды какая-то сумасшедшая закричала им с обочины дороги:

– Дураки! Вас убьют там, дураки! – Она была тощая, как огородное пугало, с впалыми глазами и сбитыми в кровь ногами.

В следующий раз к Йорену подъехал купец на серой кобыле и предложил купить у него повозки со всем, что в них есть, за четверть цены.

– Идет война, у тебя все равно все отнимут – лучше продай мне, дружище.

Йорен повернулся к нему своей сутулой спиной и плюнул.

В тот же день Арья увидела первую могилу у дороги – маленькую, вырытую для ребенка. На сыром холмике лежал кристалл, и Ломми хотел взять его, но Бык сказал ему, что мертвых лучше не тревожить. Через несколько лиг Прейд заметил целый ряд свежих могил. С тех пор дня не проходило без подобных находок.

Однажды Арья проснулась затемно, испугавшись сама не зная чего. Вверху Красный Меч делил небо с тысячью звезд. Ночь показалась Арье необычайно тихой, хотя она слышала негромкий храп Йорена, потрескивание костра и шорохи, производимые осликами. Но чувство было такое, словно мир затаил дыхание, и это наводило на Арию дрожь. Она уснула опять, прижимая к себе Иглу.

Утром Прейд не проснулся. Тогда она поняла, чего ей недоставало: его кашля. Они выкопали ему могилу, схоронив наемника на том месте, где он спал. Перед этим Йорен снял с него все ценное. Одному достались сапоги Прейда, другому его кинжал. Кольчугу и шлем Йорен тоже отдал, а меч протянул Быку.

– С такими ручищами, как у тебя, невредно будет научиться владеть им.

Мальчуган по имени Тарбер бросил на тело Прейда пригоршню желудей, чтобы над могилой вырос дуб.

В тот вечер они остановились на ночлег в деревне около увитой плющом гостиницы. Йорен сосчитал монеты в своем кошельке и решил, что они могут позволить себе горячий ужин.

– Спать будем снаружи, как всегда, зато у них тут есть баня, если кому охота помыться горячей водой с мылом.

Арья на это не решилась, хотя пахло от нее теперь не лучше, чем от Йорена. Жизнь, обитающая в ее одежде, проделала с ней весь путь от Блошиного Конца, и топить ее было как-то нечестно. Тарбер, Пирожок и Бык встали в очередь ожидающих омовения, другие расположились перед баней или собрались в общей комнате. Йорен даже послал Ломми отнести пиво трем закованным.

Все – и мытые, и немытые – поужинали горячими пирогами со свининой и печеными яблоками. Хозяин налил им по кружке пива за счет заведения.

– У меня брат облачился в черное, давно уже. Умный был паренек и услужливый, но однажды попался на том, что воровал перец со стола милорда. Ну, любил он перец, что поде-лаешь. Он всего-то щепотку стянул, но сир Малкольм был человек жесткий. У вас на Стене есть перец? – Йорен покачал головой, и хозяин вздохнул: – Жаль. Уж больно Линк его любил.

Арья отхлебывала из своей кружки потихоньку, между кусками теплого пирога. Отец тоже иногда давал им пиво. Санса морщилась от его вкуса и говорила, что вино гораздо более благородный напиток, но Арье, в общем, нравилось. От мыслей о Сансе и об отце ей стало грустно.

В гостинице было полно людей, направляющихся на юг, и весть о том, что Йорен следует в другую сторону, встретили общим презрением.

– Скоро вы повернете обратно, – сказал хозяин. – На север проезда нет. Половина полей сожжена, а тот народишко, что еще остался, сидит, запершись в своих острогах. У нас одни постояльцы на рассвете уходят, а к сумеркам прибывают другие.

– Нам до этого дела нет, – упорствовал Йорен. – Талли или Ланнистеры, нам все едино. Дозор ни на чью сторону не становится.

«Лорд Талли – мой дедушка», – подумала Арья. Ей было далеко не все едино, но она прикусила губу и стала слушать дальше.

– Воюют не только Ланнистеры и Талли, – возразил хозяин. – Там еще и дикари с Лунных гор – попробуй-ка втолкуй им, что ты ни на чьей стороне. Кроме того, в дело вмешались Старки – их ведет молодой лорд, сын покойного десницы.

Арья встрепенулась и наострила уши. Уж не Робб ли это?

– Я слышал, этот парень ездит в бой на волке, – сказал желтоволосый малый.

– Дурь! – россказни, – плюнул Йорен.

– Человек, который мне это рассказал, сам видел. Клянется, что этот волк здоровый, как лошадь.

– Клятва еще не значит, что это правда, Ход, – заметил хозяин. – Ты вот клянешься, что уплатишь мне долг, а я от тебя еще гроша ломаного не видел. – Гости расхохотались, а желтоголовый побагровел.

– У волков нынче голодный год, – молвил другой, в замызганном зеленом плаще. – Вокруг Божьего Ока они так осмелели, что такого никто и не помнит. Режут кого попало – овец, коров, собак – и людей не боятся. Кто сунется в тот лес ночью, может проститься с жизнью.

– Опять-таки сказки, и правды в них не больше, чем в других.

– Я слышала то же самое от моей двоюродной сестры, а она не из тех, кто лжет, – заявила одна старуха. – Она говорит, что стая эта большая, сотни голов, и все на подбор людоеды. А вожаком у них волчица, тварь из седьмого пекла.

Волчица? Арья хлебнула пива. Где это Божье Око – не рядом ли с Трезубцем? Жаль, что карты нет. Нимерию она оставила около Трезубца. Ей не хотелось этого делать, но Джори сказал, что выбора нет, – если волчица вернется с ними, ее убьют за то, что она покусала Джоффри, хотя тот вполне это заслужил. Пришлось кричать и бросаться камнями, и только когда несколько камней Арьи попали в цель, волчица наконец отстала. «Наверно, она меня теперь и не узнает, – подумала Арья. – А если она меня помнит, то ненавидит».

– Я слышал, что как-то адова сука явилась в деревню, – сказал человек в зеленом плаще. – День был базарный, народу полно, а она пришла как ни в чем не бывало и вырвала младенца из рук матери. Когда это дошло до лорда Мутона, он и его сыновья поклялись покончить с ней. Они выследили волчицу до ее логова со стаями гончих и едва-едва ушли живыми, а из собак ни одна не вернулась.

– Сказки это, – не сдержавшись выпалила Арья. – Волки не едят младенцев.

– Тебе-то почем знать, паренек? – спросил человек в зеленом плаще.

Не успела Арья придумать ответ, как Йорен сгреб ее за руку.

– Мальчишка нахлебался пива, только и всего.

– А вот и нет. Не едят они младенцев...

– Выйди вон, *мальчик*... и поучись молчать, когда взрослые разговаривают. – Йорен пихнул ее к боковой двери, ведущей на кухню. – Ступай и присмотри, чтобы конюх напоил наших лошадей.

Арья вышла, сама не своя от ярости.

– Не едят, – буркнула она и пнула камень, подвернувшийся ей под ноги. Он укатился под фургон.

– Мальчик, – позвал чей-то ласковый голос. – Славный мальчик.

Это был один из закованных. Арья настороженно приблизилась, держа руку на рукояти Иглы.

Узник, брякнув цепями, показал ей на пустую кружку.

– Человеку охота еще пивка. Эти тяжелые оковы вызывают у человека жажду. – Он был самый молодой из трех, стройный, красивый и всегда улыбался. Волосы его, рыжие с одной стороны и белые с другой, сбились в грязный колтун после тюрьмы и дороги. – Человек и в баньку бы с радостью сходил, – добавил он, видя, как смотрит на него Арья, – а мальчик завел бы себе друга.

– У меня уже есть друзья.

– Это вряд ли, – сказал безносый, толстый и приземистый, с мощными ручищами. Руки, ноги, грудь и даже спина у него поросли черными волосами. Он напоминал Арье картинку из книги, где изображалась обезьяна с Летних островов. Из-за дыры на лице на него нельзя было смотреть долго.

Лысый открыл рот и запищал, точно огромная белая ящерица. Арья отшатнулась, а он разинул рот еще шире – там болтался обрубок языка.

– Перестань, – вскричала она.

– Человек не выбирает, с кем ему сидеть в каменном мешке, – сказал красивый с бело-рыжими волосами. Что-то в его манере говорить напоминало ей Сирио, но и отличалось от него. – Эти двое невежи, и человек просит за них прощения. Тебя зовут Арри, правда?

– Его зовут Воронье Гнездо, – сказал безносый. – И он ходит с палкой. Гляди, лоратиец, как бы он тебя ею не огрел.

– Человеку остается только стыдиться своих спутников, Арри. Человек имеет честь быть Якеном Хгаром из вольного города Лората. Попасть бы туда снова. Товарищей человека по заточению зовут Рорж, – он указал кружкой на безносого, – и Кусака. – Кусака снова зашипел на нее, показав желтые заостренные зубы. – Нужно же как-нибудь называть человека, правда? Кусака не может говорить и не умеет писать, но зубы у него очень острые, поэтому его называют Кусакой и он улыбается. Тебе приятно с нами познакомиться?

– Нет. – Арья попятилась прочь от повозки. «Они ничего мне не сделают, – твердила она про себя, – они прикованы».

– Человеку впору заплакать. – Красивый перевернул кружку вверх дном, а безносый Рорж с ругательствами швырнул свою в Арию. Оковы сделали бросок неуклюжим, но тем не менее тяжелая оловянная кружка угодила бы ей в голову, если бы она не отскочила.

– А ну принеси нам пива, прыщ. Быстро!

– Захлопни пасть! – Арья попыталась представить, как бы поступил Сирио. Она вынула свой деревянный меч.

– Поди-ка сюда – я суну тебе эту палку в задницу и отделаю до крови.

Страх ранит глубже, чем меч. Арья заставила себя подойти к повозке. Каждый шаг давался ей труднее, чем предыдущий. «Свирепая, как росомаха, спокойная, как вода», – пело у нее в голове. Сирио не побоялся бы их. Она могла уже дотронуться до колеса, когда Кусака вскочил и дернулся к ней, гремя цепями. Кандалы остановили его руки в полуфуте от ее лица, и он зашипел. Она ударила его – сильно, прямо между его маленьких глазок.

Кусака с воплем отшатнулся назад и что было мочи дернул свою цепь. Она натянулась, и Арья услышала, как скрипит старое сухое дерево днища повозки, куда цепь была вделана. На руках, протянувшихся к Арье, надулись жилы, но цепь держала крепко, и колодник в конце концов повалился на пол. Из язв у него на щеках сочилась кровь.

– У мальчика храбрости больше, чем здравого смысла, – заметил Якен Хгар.

Арья попятилась. Почувствовав чью-то руку у себя на плече, она обернулась и вскинула деревянный меч, но это оказался Бык.

– Чего тебе?

Он примирительно поднял руки.

– Йорен никому из нас не велел подходить к этим троим.

– Я их не боюсь, – заявила Арья.

– Ну и дурак. А я вот боюсь. – Бык взялся за свой меч, и Рорж засмеялся. – Пойдем-ка отсюда.

Арья, вызывая шаркнув ногой, позволила Быку увести себя. Они вышли к фасаду гостиницы, преследуемые смехом Роржа и шипением Кусаки.

– Давай подеремся! – сказала Арья Быку. Ей очень хотелось отлупить кого-то.

Он растерянно моргнул. Густые черные волосы, еще мокрые после бани, падали на его синие глаза.

– Я ж тебя побью.

– Не побьешь.

– Ты не знаешь, какой я сильный.

– А ты не знаешь, какой я шустрый.

– Ну, ты сам напросился, Арри. – Бык достал меч Прейда. – Сталь дешевая, но это настоящий меч.

Арья вынула из ножен Иглу.

– Это хорошая сталь, так что мой меч всамделишной твоего.

– Смотри же не реви, если я тебя задену, – покачал головой Бык.

– Смотри сам не зареви. – Она ступила вбок, приняв стойку водяного плясуна, но Бык не шелохнулся, глядя на что-то позади нее. – Что там такое?

– Золотые плащи, – сказал он, и его лицо окаменело.

«Не может быть», – подумала Арья, но, когда обернулась, увидела их. Они ехали по дороге, шестеро в черных кольчугах и золотых плащах городской стражи. На офицере был черный, покрытый эмалью панцирь с четырьмя золотыми дисками. У гостиницы они остановились. «Смотри своими глазами», – шепнул Арье голос Сирио. Ее глаза подметили, что кони взмылены, – их гнали долго и не щадили. Спокойная, как вода, она взяла Быка за руку и отошла с ним обратно, к высокой живой изгороди.

– Что ты делаешь? – сказал он. – Пусти.

– Будь тихим, как тень, – прошептала она, пригибая его вниз.

Несколько людей Йорена сидели перед баней, ожидая своей очереди.

– Эй, ребята, – крикнул им один из золотых плащей. – Это вы собираетесь облачиться в черное?

– Ну, скажем, мы, – последовал осторожный ответ.

– Мы бы лучше к вам пошли, – сказал старый Рейзен. – На Стене, говорят, уж больно холодно.

Офицер золотых плащей спешился.

– Я должен взять у вас одного парня.

Из гостиницы вышел Йорен, утирая косматую черную бороду.

– Кому это он понадобился?

Остальные стражники тоже спешились и стали рядом со своими конями.

– Почему мы прячемся? – спросил Бык.

– Это я им нужен, – прошипела Арья в его пахнущее мылом ухо. – Тихо.

– Его требует королева, старик, и не твое это дело, – ответил офицер, доставая из-за пояса ленту. – Вот приказ ее милости, а вот печать.

Бык за изгородью недоверчиво покрутил головой:

– Зачем ты сдался королеве, Арри?

– Тихо ты! – Она пихнула его в плечо.

Йорен пощупал ленту с нашлапкой из золотистого воска и сплюнул.

– Красивая вещица. Только парень-то теперь Ночной Дозорный. И мне насрать, что он там натворил у вас в городе.

– Королеву твое мнение не интересует, старик, и меня тоже. Я должен взять парня и возьму.

Арья подумала, не убежать ли ей. Но далеко она на своем осле не ускачет от конных золотых плащей. И она уже устала бегать. Она бежала, когда за ней пришел сир Меррин, и еще раз, когда убили ее отца. Будь она настоящей водяной плясуньей, она вышла бы к ним с Иглой и убила их всех и больше никогда ни от кого бы не бегала.

– Никого вы не возьмете, – сказал Йорен. – На то есть закон.

Золотой плащ вынул короткий меч:

– Вот он, твой закон.

– Это не закон, это меч. У меня у самого такой есть.

– Старый ты дурак, – улыбнулся офицер. – Со мной пятеро человек.

Йорен плюнул:

– А со мной тридцать.

Золотые плащи засмеялись.

– Эти-то? – сказал здоровый детина с перебитым носом. – Ну, подходи, кто первый? –

У него в руке тоже сверкнула сталь.

– Я. – Тарбер выдернул вилы из копны сена.

– Нет, я. – Тесак, толстый каменщик, достал молоток из кожаного фартука, который никогда не снимал.

– Я. – Курц поднялся с земли со свежесрезанным ножом в руке.

– Мы с дружкой. – Косс натянул свой лук.

– Да все мы. – Рейзен вскинул вверх свой длинный тяжелый посох.

Голый Доббер вышел из бани, неся одежду в узелке, увидел, что происходит, и бросил все, кроме кинжала.

– Да тут никак драка?

– Точно. – Пирожок на четвереньках устремился за большим камнем. Арья не верила своим глазам. Ведь она Пирожка ненавидит! Почему он вступился за нее с опасностью для собственной жизни?

Стражник с перебитым носом все еще полагал, что это смешно.

– Эй, деточки, уберите-ка ваши камни и палки, пока вас не отшлепали. Из вас ни один не знает, каким концом держать меч.

– Я знаю! – Арья не позволит им умереть за нее, как умер Сирио. Проскользнув через изгородь с Иглой в руке, она приняла стойку водяного плясуна.

Сломанный Нос заржал, а офицер смерил ее взглядом.

– Положи меч, девочка, – тебя здесь никто не обидит!

– Я не девочка! – завопила она в ярости. Что с ними такое? Они проделали такой путь ради нее, и вот она перед ними, а они только скалятся. – Это я вам нужен!

– Нам нужен он. – Офицер указал мечом на Быка, который вылез из укрытия и стал рядом с Арьей, держа наготове дешевый клинок Прейда.

Повернувшись к Быку, офицер на миг упустил из виду Йорена – и совершил ошибку. Черный брат в то же мгновение приставил меч к его кадыку.

– Ты не получишь ни одного – иначе я сейчас погляжу, поспело ли твое яблочко. В гостинице у меня есть десять или пятнадцать братьев, если до тебя по сейчас не дошло. На твоём месте я бросил бы это перышко, сел на лошадку и двинул обратно в город. – Йорен плюнул и нажал острием чуть сильнее. – Ну так как?

Пальцы офицера разжались, и меч упал в пыль.

– Мы возьмем его себе, – сказал Йорен. – Добрая сталь на Стене всегда пригодится.

– Будь по-твоему – пока. За мной. – Золотые плащи вложили мечи в ножны и расселись по коням. – Беги к своей Стене скорее, старикан. В следующий раз я прихвачу вместе с бастардом твою голову.

– Люди получше тебя грозились это сделать. – Йорен плашмя хлопнул своим мечом по крупу офицерского коня, и тот понёсся прочь по дороге. Стражники последовали за ним.

Когда они скрылись из виду, Пирожок восторженно завопил, но Йорен обозлился еще пуще против прежнего.

– Дурак! Думаешь, на этом конец? В следующий раз он не станет совать мне свою поганую ленту. Скажите остальным, чтобы вылезли из корыт – надо ехать. Будем двигаться всю ночь – может, и опередим их малость. – Он подобрал офицерский меч. – Кому дать?

– Мне! – крикнул Пирожок.

– Только не проткни им Арри. – Йорен протянул мальчишке меч рукоятью вперед и подошел к Арье, но обратился не к ней, а к Быку: – Похоже, ты нужен королеве до зарезу, парень.

– Он-то ей зачем? – растерялась Арья.

– А ты ей зачем? Ты же просто водосточная крыса? – насупился Бык.

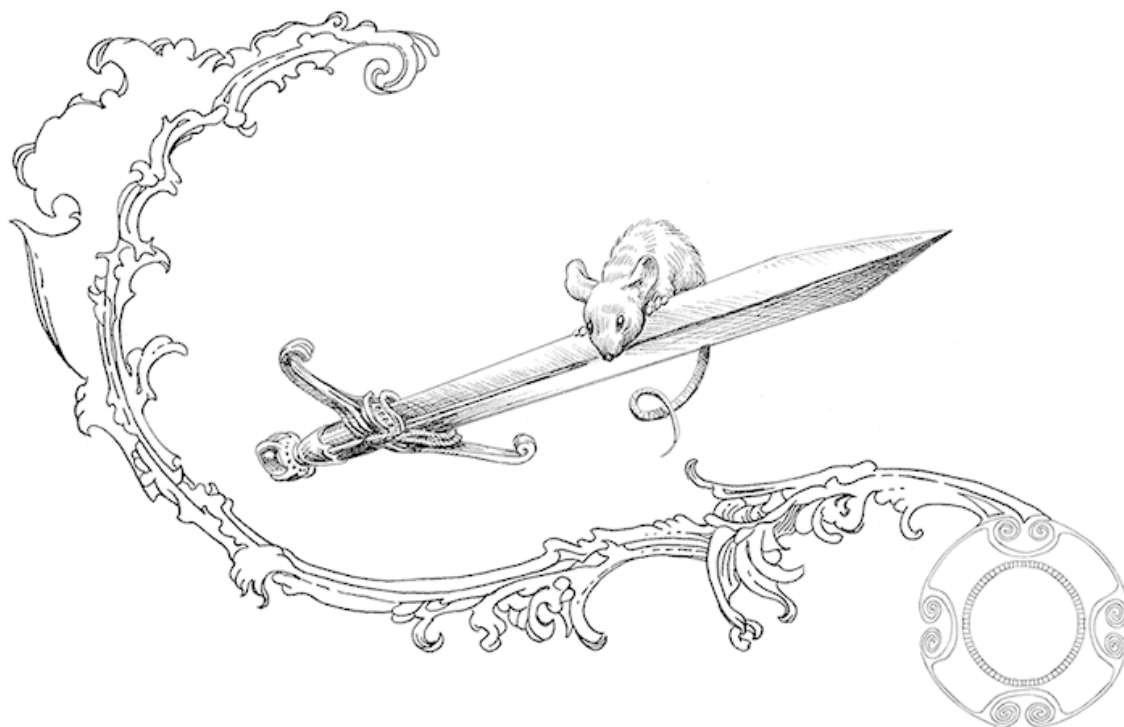
– Ты и сам бастард! – (А может, он просто притворяется бастардом?) – Как твое настоящее имя?

– Джендри, – не совсем уверенно ответил он.

– Не знаю, на кой вы оба кому-то нужны, – сказал Йорен, – но они вас все равно не получат. Дальше поедете на конях и, как только увидите золотой плащ, шпарьте к Стене так, точно за вами дракон гонится. На нас, остальных, им наплевать.

– Только не на тебя, – сказала Арья. – Тот человек сказал, что отрубит тебе голову.

– Ну, если он сумеет снять ее у меня с плеч, пусть, так и быть, забирает.

Джон

– Сэм! – тихо позвал Джон.

Здесь пахло бумагой, пылью и годами. Полки, нагруженные книгами в кожаных переплетах и старинными свитками, уходили высоко во мрак. Сквозь них просачивался слабый желтый свет одинокой лампы. Джон задул свою коптилку, опасаясь оставлять открытое пламя в этом скопище бумаг, и пошел на огонек, пробираясь по узким проходам под сводчатым потолком. Весь в черном, темноволосый и сероглазый, он был как тень во мраке. На руках у него были черные перчатки кротовой кожи – на правой из-за ожогов, на левой потому, что в одной перчатке у человека дурацкий вид.

Сэмвел Тарли сидел в стенной нише, сгорбившись над столом. Свет шел от лампы у него над головой. Заслышав шаги Джона, он поднял голову.

– Ты что тут, всю ночь просидел?

– Разве? – Сэм выглядел пораженным.

– Ты не завтракал с нами, и твоя постель не смята. – Раст предположил, что Сэм дезертировал, но Джон в это не поверил. Дезертирство требует своего рода отваги, а Сэм этим похвастаться не может.

– Разве теперь уже утро? Тут, внизу, не видно, день или ночь.

– Ох и дурачина же ты, Сэм. Ручаюсь, ты еще пожалеешь о своей постели, когда придется спать на голой земле.

Сэм зевнул:

– Мейстер Эймон послал меня поискать карты для лорда-командующего. Я даже и не думал... Джон, а книги-то видал? Их здесь тысячи!

Джон посмотрел вокруг:

– В винтерфеллской библиотеке было больше ста тысяч. Ну и как, нашел ты карты?

– О да. – Пальцы Сэма, толстые как сосиски, прошлись по груде книг и свитков на столе. – Не меньше дюжины. – Он развернул лист пергамента. – Краска поблекла, но еще видно, где составитель отметил селения одичалых, а в другой книге... где же она? Я ее только что читал. – Он откопал под свитками пыльный том в полусгнившей коже и произнес с почтением: – Вот. Это описание путешествия от Сумеречной башни до Пустынного мыса на Стылом берегу, сделанное разведчиком по имени Редвин. Даты нет, но он упоминает о Доррене Старке как о Короле Севера – стало быть, книга написана еще до Завоевания. Джон, они

сражались с великанами! Редвин даже с Детьми Леса имел дело – тут все написано. – Сэм с бесконечной осторожностью переворачивал страницы. – Он и карты нарисовал, смотри...

– Может, ты тоже напишешь о нашем путешествии, Сэм.

Джон хотел приободрить приятеля, но промахнулся. Сэму меньше всего хотелось вспоминать о том, что ждет их завтра. Его руки бесцельно перебирали свитки на столе.

– Есть и другие карты. Будь у меня побольше времени... тут все так перепутано. Я мог бы привести все это в порядок, знаю, что мог бы... но на это нужно время, целые годы.

– Мормонту карты понадобятся несколько раньше. – Джон вытащил из кучи свиток и сдул с него часть пыли. Когда он развернул пергамент, уголок отломился. – Гляди, этот уже крошится, – сказал он, вглядываясь в поблекшие письма.

– Осторожно. – Сэм перегнулся через стол и взял у Джона свиток, держа его, как раненого зверька. – Ценные книги переписываются, когда в этом есть нужда. С самых старых снималось до полусотни копий.

– Ну, эту грамоту можно не переписывать. Двадцать три бочонка соленой трески, восемнадцать кувшинов рыбьего жира, бочонок соли...

– Список припасов – а возможно, счет.

– Ну и кому это надо знать – сколько соленой трески было съедено шестьсот лет назад?

– Мне надо. – Сэм заботливо вернул свиток на место. – Из таких вот описей очень много можно узнать, правда. Например, сколько человек состояло тогда в Дозоре, как они жили, что ели...

– Ели они еду, а жили так, как мы живем.

– Не скажи. Этот склеп – настоящая сокровищница, Джон.

– Тебе виднее. – Сам Джон в этом сомневался. Сокровищница – это золото, серебро, драгоценные камни, а не пыль, пауки и гнилая кожа.

– Конечно. – Сэм был старше Джона и по закону считался взрослым мужчиной, а посмотреть на него – мальчишка, и больше ничего. – Я нашел рисунки, которые делались на деревьях, и книгу о языке Детей Леса... и еще разное, чего даже в Цитадели нет – свитки из древней Валирии, роспись чередования зимы и лета, составленную мастерами тысячу лет назад...

– До нашего возвращения книги никуда не денутся.

– Да – если мы вернемся.

– Старый Медведь берет с собой двести опытных людей, и три четверти из них – разведчики. Куорен Полурукий приведет из Сумеречной башни еще сотню братьев. Ты будешь в такой же безопасности, как в замке своего лорда-отца на Роговом Холме.

Сэм выдавил из себя грустную улыбку:

– Не сказать, чтобы мне там было так уж безопасно.

«Боги играют с нами жестокие шутки, – подумал Джон. – Вот Пип и Жаба так и рвутся в поход, а их оставляют в Черном замке. Зато Сэмвел Тарли, сам не отрицающий, что он трус, толстый, робкий и владеющий навыками верховой езды не лучше, чем мечом, отправляется в Зачарованный лес. Старый Медведь берет с собой две клетки воронов, чтобы подавать вести о своем путешествии, а мастер Эймон слеп и слишком слаб, чтобы ехать с ними, – поэтому вместо него приходится брать его стюарда».

– Ты нам нужен, чтобы смотреть за воронами, Сэм. И должен же кто-то помогать мне умирять Гренна.

Многочисленные подбородки Сэма заколыхались.

– За воронами мог бы смотреть ты или Гренн – да кто угодно, – с нотками отчаяния в голосе сказал он. – Я бы тебе показал, что нужно делать. И грамоту ты знаешь – ты мог бы писать письма за лорда Мормонта не хуже, чем я.

– Я стюард Старого Медведя. Я должен буду прислуживать ему, ходить за его конем, ставить ему палатку. У меня не останется времени, чтобы смотреть еще и за птицами. Сэм, ты произнес слова. Теперь ты брат Ночного Дозора.

– Брат Ночного Дозора не должен так бояться.

– Мы все боимся – ведь мы же не дураки. – Слишком много разведчиков пропало у них за последние два года – и среди них Бенджен Старк, дядя Джона. Двух дядиных людей нашли в лесу мертвыми, однако в ночи мертвецы ожили. Обожженные пальцы Джона до сих пор вздрагивали, когда он вспоминал об этом. Ему все еще снился упырь, мертвый Отор с горящими синими глазами и ледяными черными руками, но Сэму об этом напоминать не стоило. – «В том, что ты боишься, нет позора, – говорил мне отец, – главное, как мы встречаем свой страх». Пойдем, я помогу тебе донести карты.

Сэм с несчастным видом кивнул. Полки стояли так тесно, что им пришлось идти гуськом. Библиотечный подвал выходил в один из подземных ходов, которые братья называли червоточинами, – они соединяли Черный замок с его башнями. Летом червоточинами пользовались редко – там бегали разве что крысы и прочие гады, – но зимой дело обстояло по-иному. Когда снег достигал глубины сорок или пятьдесят футов, а с севера задувал ледяной ветер, только подземные ходы и поддерживали жизнь в Черном замке.

«Скоро мы испытаем это на себе», – думал Джон, пока они поднимались наверх. Он видел гонца, который прилетел к мейстеру Эймону с вестью о конце лета, – большого ворона из Цитадели, белого и молчаливого, как призрак. В раннем детстве Джон уже пережил зиму, но все говорили, что та зима была короткая и мягкая. Эта будет другой – он чувствовал нутром.

Ступени были слишком круты, и Сэм, когда они вылезли наверх, пыхтел, как кузнечные мехи. Плащ Джона зашелкал на резком ветру. Призрак спал под глинобитной стеной амбара, но при появлении Джона проснулся, поставил торчком лохматый белый хвост и потрусил за ним.

Сэм покосился на Стену. Она нависала над ними – ледяной утес семиста футов вышиной. Иногда она представлялась Джону живым существом со своими настроениями. Лед в ней менял окраску от малейшей разницы в освещении. Стена была то густо-синей, как замерзшая река, то грязно-белой, как залежалый снег, а когда на солнце набегало облако, она

становилась серой, как щербатый камень. Стена тянулась на восток и на запад, сколько видел глаз, столь огромная, что бревенчатые срубы и каменные башни замка казались маленькими рядом с ней. Это был край света.

«А мы собираемся туда, за этот край».

На утреннем небе за тонкими серыми облаками проглядывала бледная красная полоса. Черные братья нарекли небесную странницу Факелом Мормонта, говоря (не совсем в шутку), что боги послали ее, чтобы осветить старику дорогу через Зачарованный лес.

– Эта комета такая яркая, что теперь ее видно даже и днем, – сказал Сэм, заслоня глаза стопкой книг.

– Не заглядывайся, Старый Медведь ждет свои карты.

Призрак выбежал вперед. Замок казался покинутым – многие разведчики отправились в бордель Кротового городка, поискать зарытые сокровища и напиться до одури. Гренн ушел с ними – Пип, Халдер и Жаба предложили оплатить его первую женщину в честь первого похода. Джона и Сэма тоже звали, но Сэм боялся шлюх почти так же, как Зачарованного леса, а Джон отказался наотрез. «Вы идите, коли охота, – сказал он Жабе, – а я дал обет».

Проходя мимо септы, они услышали поющие голоса. Одним перед боем требуются шлюхи, другим – боги, и неизвестно, кому из них потом будет лучше. Джона септа манила не больше, чем бордель, – его боги живут в диких местах, где чардрева простирают свои белые, как кость, ветви. «У Семерых за Стеной нет власти, – подумал он, – зато мои боги будут ждать меня».

У арсенала сир Эндрю Тарт обучал новичков. Ночью их привел Конви, один из вербовщиков, которые странствуют по Семи Королевствам, набирая людей для Стены. Новое пополнение состояло из седого старца, опирающегося на посох, двух белокурых мальчишек, по виду братьев, хлыщеватого юнца в грязном атласном наряде и дурачка с ухмылкой во весь рот, который, как видно, возомнил себя воином. Сейчас сир Эндрю доказывал ему, что он ошибся. Этот мастер над оружием был мягче, чем сир Аллисер Торн, но после его уроков синяки тоже оставались. Сэм морщился при каждом ударе, но Джон смотрел внимательно.

– Ну, что ты о них скажешь, Сноу? – Донал Нойе стоял в дверях своей оружейни с голой грудью под кожаным фартуком и не прикрытым в кои-то веки обрубок левой руки. Толстое брюхо, мощная грудь, плоский нос и черная щетина на подбородке не делали Нойе красавцем, но Джону было приятно его видеть – оружейник стал ему настоящим другом.

– От них пахнет летом, – сказал Джон, когда сир Эндрю, наскочив на одного из рекрутов, повалил его наземь. – Где это Конви их откопал?

– В темнице одного лорда близ Чаячьего города. Разбойник, брадобрей, нищий, двое сирот и шлюха мужского пола. И с такими-то нам приходится оборонять области, заселенные человеком.

– Ничего, сойдут. – Джон по-свойски улыбнулся Сэму. – Мы ведь сгодились.

Нойе поманил его к себе:

– Слышал новости о своем брате?

– Да, вечером. – Новости принес Конви со своими новобранцами, и в трапезной об этом только и говорили. Джон сам толком не знал, как к этому отнестись. Робб – король? Его брат, с которым он играл, сражался, разделил свою первую чашу вина? Но не материнское молоко. «Поэтому Робб будет пить летнее вино из драгоценного кубка, а я – хлебать талую воду из ручьев, сложив руки ковшом». – Робб будет хорошим королем, – проявив лояльность, сказал Джон.

– Да ну? – Кузнец посмотрел ему в глаза. – Надеюсь, что так, парень, однако когда-то и о Роберте говорили то же самое.

– Это ведь ты ковал ему боевой молот? – вспомнил Джон.

– Да, я был его человеком, человеком Баратеонов, кузнецом и оружейником в Штормовом Пределе, пока не лишился руки. Я так стар, что помню лорда Стеффона до того, как его взяло море, а его трех сыновей знал с тех пор, как им дали имена. И скажу тебе – Роберт стал совсем не тот, когда надел корону. Некоторые люди – как мечи, они созданы для боя. Повесь их на стенку – и они заржавеют.

– А его братья? – спросил Джон.

Оружейник поразмыслил немного:

– Роберт – это чистая сталь. Станнис – чугун, черный и прочный, но хрупкий. Он ломается, но не гнется. А Ренли – это медь. Она блестит и приятна для глаз, но в конечном счете немногого стоит.

«А из какого металла сделан Робб?» – подумал Джон, но спрашивать не стал. Раз Нойе человек Баратеонов, он скорее всего считает Джоффри законным королем, а Робба изменником. Среди братьев Ночного Дозора существовал негласный уговор – не копать в таких делах слишком глубоко. Люди прибывают на Стену со всех Семи Королевств, и бывшую любовь и преданность забыть нелегко, какие бы клятвы ты ни принес... кому это знать, как не Джону. Взять Сэма – его дом присягнул Хайгардену, чей лорд, Тирелл, поддерживает короля Ренли. Лучше о таких вещах не говорить. Ночной Дозор ничью сторону не держит.

– Нас ждет лорд Мормонт, – сказал Джон.

– Раз так, не буду задерживать. – Нойе хлопнул его по плечу и улыбнулся. – Да будут с тобой завтра боги, Сноу. И привези с собой своего дядю, слышишь?

– Привезем непременно.

Лорд-командующий Мормонт поселился в Королевской башне после того, как пожар уничтожил его собственную. Джон оставил Призрака с часовыми за дверью.

– Опять ступеньки, – уныло пробурчал Сэм. – Ненавижу лестницы.

– Ну уж в лесу их точно не будет.

Не успели они войти в горницу, ворон сразу углядел их и завопил:

– Сноу!

Мормонт прервал свою беседу.

– Долго же вы проваландались с этими картами. – Он расчистил место на столе, где стояли остатки завтрака. – Давайте их сюда. Я посмотрю их позже.

Торен Смолвуд, жилистый разведчик со слабым подбородком и еще более слабым ртом, укрытым в жидкой бородачке, смерил Сэма и Джона холодным взглядом. Он был из прихвостней Аллисера Торна и не любил их обоих.

– Место лорда-командующего должно находиться в Черном замке, откуда он и отдает приказы, – сказал Смолвуд Мормонту, не обращая внимания на них. – У меня такое мнение.

– Такое, такое, такое, – захлопал крыльями ворон.

– Вот станешь лордом-командующим и будешь поступать согласно своему мнению – но я как будто еще не умер и братья не избрали тебя на мое место.

– Теперь, когда Бен Старк пропал, а сир Джареми убит, первым разведчиком стал я, – упорствовал Смолвуд, – и вылазкой командовать тоже должен я.

Но Мормонт остался тверд.

– Я уже послал за Стену Бена Старка, а до него сира Уэймара. Я не намерен посылать еще и тебя, а после сидеть и неизвестно сколько ждать твоего возвращения. Кроме того, Старк остается первым разведчиком, пока мы не будем знать с полной уверенностью, что он умер. И если этот день настанет, его преемника назначу я, а не ты. А теперь довольно занимать мое время. Ты не забыл, что мы выезжаем чуть свет?

Смолвуд встал с места.

– Как прикажете, милорд, – сказал он и сердито глянул на Джона, словно это была его вина.

– Первый разведчик! – Старый Медведь воззрился на Сэма. – Уж скорее я назначу первым разведчиком тебя. Он имеет наглость говорить мне в лицо, что я слишком стар, чтобы ехать с ним. А как по-твоему, парень, – стар я или нет? – Казалось, что волосы, покинувшие пятнистый череп Мормонта, переместились в косматую седую бороду, ниспадающую на грудь. Мормонт запустил в нее руку. – По-твоему, я дряхлый старец?

Сэм только пискнул что-то – Старый Медведь наводил на него ужас.

– Нет, милорд, – поспешно вмешался Джон. – Вы крепки, как... как...

– Нечего меня умасливать, Сноу, – ты знаешь, что я терпеть этого не могу. Давай-ка глянем на ваши карты. – Мормонт бегло просмотрел их, ворча себе под нос. – Это все, что ты смог найти?

– Т-там есть еще, м-милорд, – промямлил Сэм, – но б-беспорядок...

– Эти все старые, – сказал Мормонт, и ворон подхватил:

– Старые, старые.

– Селения могли исчезнуть, но холмы и реки остались на месте, – заметил Джон.

– И то верно. Ты уже отобрал воронов, Тарли?

– М-мейстер Эймон хочет с-сам отобрать их вечером, после к-кор-межки.

– Мне нужны самые лучшие птицы. Умные и сильные.

– Сильные, – сказал его собственный ворон, охорашиваясь. – Сильные, сильные.

– Если случится так, что нас всех перебыют, пусть мой преемник знает, где и как мы умерли.

Сэмвел Тарли от таких слов лишился дара речи. Мормонт подался вперед:

– Тарли, когда я был наполовину моложе тебя, моя леди-мать сказала мне: не стой с открытым ртом, иначе ласка примет его за свою норку и залезет тебе прямо в горло. Если хочешь сказать что-то, говори, если нет – остерегайся ласок. – Он махнул рукой на них обоих. – Ступай прочь, не до тебя. Мейстер уж верно найдет тебе какое-нибудь дело.

Сэм сглотнул, попятился и устремился прочь так быстро, что чуть не поскользнулся на тростнике.

– Что, этот парень и правда такой дурак, каким кажется? – спросил лорд-командующий, когда он ушел.

– Дурак, – заверил ворон. Мормонт не стал дожидаться, когда Джон ответит.

– Его лорд-отец занимает высокий пост в совете короля Ренли, и я подумал было, не послать ли к нему сына... но решил, что не стоит. Ренли не станет слушать этого толстого нытика. Пошлю сира Арнелла. Он не в пример круче, а мать у него из Фоссовеев зеленого яблока.

– Не скажет ли милорд, что он хочет получить от короля Ренли?

– То же самое, что от них от всех, парень. Людей, лошадей, мечи, доспехи, зерно, сыр, вино, шерсть, гвозди... Ночной Дозор не гордый, мы берем что дают. – Мормонт побарабанил пальцами по грубо обтесанной столешнице. – Сир Аллисер, если ветры будут благоприятны, доберется до Королевской Гавани к новой луне... но не знаю, будет ли прок от этого мальчишки Джоффри. Дом Ланнистеров никогда не был другом Дозору.

– Торн покажет им руку упыря. – Жуткую бледную руку с черными пальцами – она и в склянке шевелилась, как живая.

– Жаль, что у нас нет другой – мы бы послали ее Ренли.

– Дайвен говорит, за Стеной можно найти что угодно.

– Да, говорит. Он говорит также, что в последнюю свою вылазку видел медведя пятнадцати футов вышиной. – Мормонт фыркнул. – Моя сестра будто бы взяла медведя себе в любовники – скорее уж я поверю в это, чем в зверя пятнадцати футов ростом. Впрочем, когда мертвые встают... и все-таки нет, человек должен верить только своим глазам. Я видел,

как встают мертвые, а вот гигантских медведей еще не видел. — Он вперил в Джона долгий, испытующий взгляд. — Кстати, о руках. Как там твоя?

— Лучше. — Джон стянул кротовую перчатку и показал руку Мормонту. Шрамы покрывали всю нижнюю часть предплечья, и новая розовая кожица была еще тугой и нежной, но дело шло на поправку. — Только чешется. Мейстер Эймон говорит, что это хорошо. Он дал мне мазь, чтобы я взял ее с собой в поход.

— Ожоги не мешают тебе орудовать Длинным Когтем?

— Нет, не думаю. — Джон согнул и разогнул пальцы, как велел ему делать мейстер. — Я должен каждый день разрабатывать пальцы, чтобы они оставались гибкими, — так сказал мейстер Эймон.

— Эймон хоть и слепой, а дело свое знает. Я молюсь, чтобы боги даровали ему еще лет двадцать. Ты знаешь, что он мог бы стать королем?

— Он говорил мне, что его отец был королем, — удивился Джон, — но я думал, что сам он — младший сын.

— Так и есть. Отцом его отца был Дейерон Таргариен, второй этого имени, присоединивший Дорн к государству. Договор предусматривал его женитьбу на дорнийской принцессе. Она родила ему четверых сыновей. Мейекар, отец Эймона, был самым младшим из них, а Эймон — его третьим сыном. Имей в виду, все это происходило задолго до моего рождения, хотя Смолвуд и считает меня древним старцем.

— Мейстера Эймона называли в честь Рыцаря-Дракона.

— Верно. Некоторые полагают, что настоящим отцом короля Дейерона был принц Эймон, а не Эйегон Недостойный. Но как бы там ни было, наш Эймон не унаследовал воинственной натуры Рыцаря-Дракона. Как говорит он сам, меч у него был медлителен, зато ум скор. Неудивительно, что дед отправил его в Цитадель. Тогда ему было лет девять или десять... и на очереди к престолу он был тоже не то девятым, не то десятым.

Джон знал, что Эймон отметил больше сотни своих именин. Трудно было представить дряхлого, сморщенного, слепого мастера маленьким мальчиком не старше Арьи.

— Эймон корпел над книгами, — продолжал Мормонт, — когда старший из его дядей, наследный принц, по несчастной случайности погиб на турнире. Он оставил двух сыновей, но и они вскоре последовали за ним в могилу после Великого весеннего поветрия. Король Дейерон тоже умер, и корона перешла ко второму сыну короля, Эйерису.

— К Безумному королю? — Джон совсем запутался. Эйерис царствовал перед Робертом — значит, не так уж давно.

— Нет, к Эйерису Первому. Тот, кого низложил Роберт, был второй этого имени.

— Как давно было то, о чем вы рассказываете?

— Лет восемьдесят назад или около того — и все-таки я еще не родился, когда Эймон уже выковал с полдюжины звеньев своей мастерской цепи. Эйерис женился на своей родной сестре, как было заведено у Таргариенов, и правил лет десять или двенадцать. Эймон между тем принял обет и оставил Цитадель, чтобы служить при дворе какого-то мелкого лорда... а его дядя-король умер, не оставив потомства. Железный трон перешел к последнему из четырех сыновей Дейерона — к Мейекару, отцу Эймона. Новый король призвал ко двору всех своих сыновей и Эймона тоже хотел ввести в свой совет, но тот отказался, не желая незаконно занимать место, по праву принадлежащее великому мастеру. Вместо этого он стал служить в замке своего старшего брата, другого Дейерона. Брат этот тоже умер — кажется, от оспы, которую подхватил у какой-то шлюхи, оставив после себя только слабоумную дочь. Следующим по старшинству братом был Эйерион.

— Эйерион Чудовище? — Джону было знакомо это имя. Сказка о Принце, Который Возомнил Себя Драконом, была одной из самых страшных историй Старой Нэн и очень нравилась маленькому брату Джона Брану.

– Он самый, хотя он себя величал Эйерионом Пламенным. Однажды, будучи в подпитии, он влил в себя сосуд дикого огня, сказав своим друзьям, что это превратит его в дракона, но боги по милости своей превратили его в труп. Неполный год спустя король Мейекар погиб в битве с мятежным лордом.

Джон имел кое-какое понятие об истории государства – их винтерфеллский мейстер об этом позаботился.

– В тот же год состоялся Великий совет, – сказал он, – и лорды, минуя младенца-сына принца Эйериона и дочь принца Дейерона, вручили корону Эйегону.

– Верно, но не совсем. Сначала они негласно предложили ее Эйемону. Он сказал им, что боги предназначили его служить, а не править, и отказался нарушить свой обет, хотя сам верховный септон предлагал разрешить его. Делать нечего. Ни один разумный человек не желал видеть на троне отпрыска Эйериона, а дитя Дейерона, будучи женского пола, страдало к тому же слабоумием, поэтому лордам не осталось иного выбора, как отдать корону младшему брату Эйемона Эйегону, пятому этого имени. Этого короля прозвали Эйегон Невероятный, ибо он родился четвертым сыном четвертого сына. Эйемон знал – и был прав, – что, если он останется при дворе, люди, недовольные правлением его брата, захотят его использовать, и поэтому удалился на Стену. Здесь он и оставался, пока его брат и сын его брата, а там и внук всходили на престол и умирали – и пока Джейме Ланнистер не пресек род драконьих королей.

– Король, – каркнул ворон, перелетел через горницу и сел Мормонту на плечо. – Король, – повторил он, переминаясь с лапы на лапу.

– Видать, ему нравится это слово, – улыбнулся Джон.

– Его легко произнести – и полюбить тоже легко.

– Король, – повторила птица.

– По-моему, это он вас хочет короновать, милорд.

– В стране и без того три короля – чересчур много, на мой вкус. – Мормонт почесал ворона под клювом, не сводя глаз с Джона Сноу. Тот почувствовал себя странно.

– Милорд, для чего вы рассказали мне историю мейстера Эйемона?

– Разве для всего должна быть причина? – Мормонт хмуро поерзал на стуле. – Твоего брата Робба провозгласили Королем Севера, и это связывает тебя с Эйемоном. У вас обоих братья короли.

– Нас связывает не только это. Мы оба дали обет.

Старый Медведь громко фыркнул, и ворон, снявшись с него, описал круг по комнате.

– Дайте мне по человеку на каждый нарушенный обет, который я видел, и у Стены никогда не будет недостатка в защитниках.

– Я всегда знал, что Робб будет лордом Винтерфелла.

Мормонт посвистал. Птица вернулась к нему и села на руку.

– Лорд – одно дело, король – другое. – Он достал из кармана горсть зерна и дал ворону. – Твоего брата Робба оденут в шелк, бархат и атлас ста разных цветов, ты же будешь жить и умрешь в черной кольчуге. Он женится на прекрасной принцессе, и она родит ему сыновей – у тебя жены не будет, и ты никогда не возьмешь в руки родное дитя. Робб будет править, ты – служить, и люди будут звать тебя вороной, а его – ваша милость. Певцы будут славить каждый его чих, твои же подвиги останутся невоспетыми. Скажи мне, что все это тебя не волнует, Джон, и я скажу, что ты лжешь, – и не погрешу против истины.

Джон напрягся как натянутая тетива.

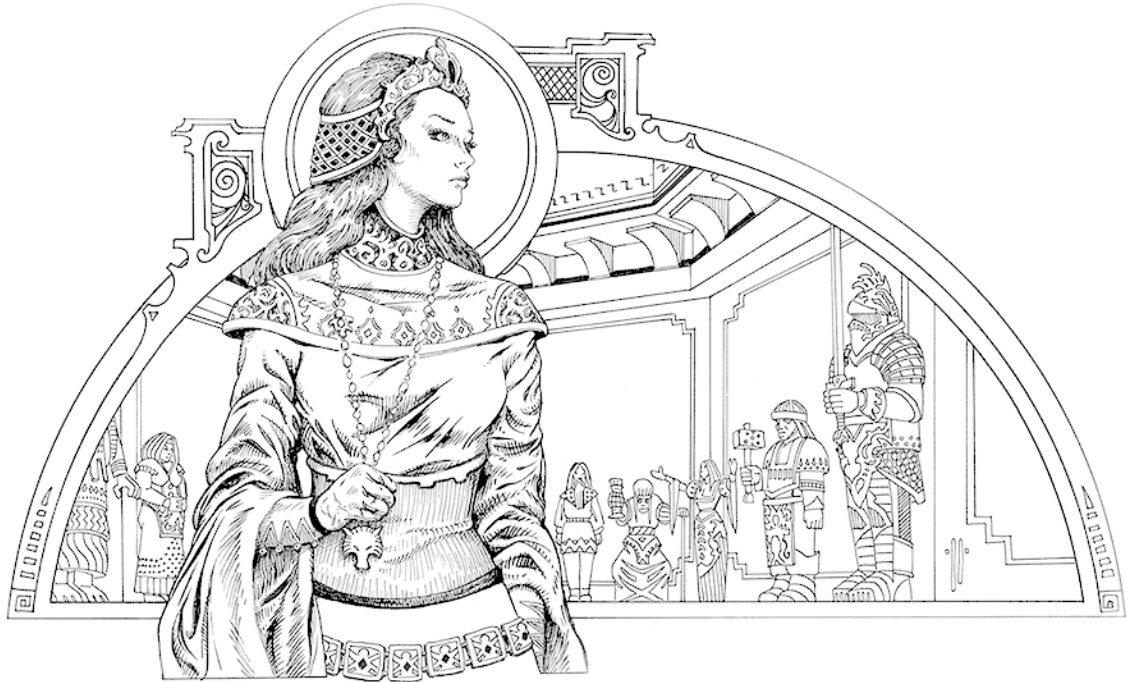
– А если бы даже и волновало, то что я могу – я, бастард?

– Как же ты намерен жить дальше – ты, бастард?

– Волноваться – и соблюдать свои обеты.

Кейтилин

Корону для ее сына только что выковали, и Кейтилин Старк казалось, что этот убор тяжело давит на голову Робба.

Древняя корона Королей Зимы пропала триста лет назад – Торрхен Старк отдал ее Эйегону Завоевателю, когда преклонил перед ним колена. Что сделал с короной Эйегон, не знал никто. Кузнец лорда Хостера хорошо сделал свою работу, и новая корона, если верить сказкам, очень походила на старую. Разомкнутый обруч из кованой бронзы, покрытый рунами Первых людей, венчали девять черных железных зубцов в форме мечей. О золоте, серебре и драгоценных камнях не было и помину. Бронза и железо – вот металлы зимы, темные и пригодные для борьбы с холодом.

Они сидели в Большом чертоге Риверрана, дожидаясь, когда приведут пленного, и Кейтилин заметила, что Робб сначала сдвинул корону назад, на свои густые темно-рыжие волосы, потом вернул на место, потом покрутил, точно от этого она меньше сжимала ему лоб. «Нелегкое это дело – носить корону, – подумала Кейтилин, – особенно для мальчика пятнадцати лет».

Когда стража ввела пленника, Робб потребовал свой меч. Оливар Фрей подал его рукоятью вперед, и король, обнажив клинок, возложил его себе на колени – грозный знак.

– Ваша милость, вот человек, который был вам нужен, – объявил сир Робин Ригер, капитан гвардии дома Талли.

– На колени перед королем, Ланнистер! – вскричал Теон Грейджой, и сир Робин заставил пленника преклонить колена.

«Этот на льва никак не похож», – подумала Кейтилин. Сир Клеос Фрей – сын леди Дженны, сестры лорда Тайвина Ланнистера, но ему не досталось ничего от знаменитой красоты Ланнистеров – ни зеленых глаз, ни золотистых волос. Вместо этого он унаследовал крутые каштановые кудри, слабый подбородок и тонкие черты своего родителя, сира Эммона Фрея, второго сына старого лорда Уолдера. Глаза у него блеклые, водянистые и без конца

мигают – но это, возможно, от яркого света. В подземельях Риверрана темно и сыро... а сейчас они к тому же битком набиты.

– Встаньте, сир Клеос. – Голос Робба был не столь ледяным, как у его отца, но и не походил на голос пятнадцатилетнего мальчика. Война сделала его мужчиной до срока. Сталь на его коленях слабо мерцала в утреннем свете.

Но не меч вызывал тревогу у сира Клеоса, а зверь, Серый Ветер, как назвал его Робб, лютоволк крупнее самой большой собаки, поджарый и темный как дым, с глазами цвета расплавленного золота. Когда зверь вышел вперед и обнюхал пленного рыцаря, все в зале почуяли запах страха. Сира Клеоса взяли во время битвы в Шепчущем лесу, где Серый Ветер перегрыз глотки полудюжине человек.

Рыцарь поспешно встал и так явно начал пятиться, что кое-кто из зрителей не сдержал смеха.

– Благодарю вас, милорд.

– Ваша милость! – рявкнул лорд Амбер, Большой Джон, самый громогласный из северных знаменосцев Робба... а также самый преданный и самый свирепый, по его собственному уверению. Он первый провозгласил сына Кейтилин Королем Севера и не потерпел бы никакого пренебрежения по отношению к своему новому сюзерену.

– Виноват, – торопливо поправился сир Клеос. – Ваша милость.

«Он не из храбрых, – подумала Кейтилин. – Поистине больше Фрей, чем Ланнистер. Его кузен, Цареубийца, вел бы себя по-иному. Сир Джейме Ланнистер никогда не выговорил бы этот титул сквозь свои безупречные зубы».

– Я вызвал вас из темницы, чтобы вы отвезли мое послание вашей кузине Серсее Ланнистер в Королевскую Гавань. Вы поедете под мирным знаменем, взяв с собой тридцать моих лучших людей.

Сир Клеос испытывал явное облегчение:

– Буду счастлив доставить послание вашей милости королеве.

– Вы должны понять, что я вас не освобождаю. Ваш дед лорд Уолдер обещал мне поддержку от имени дома Фреев. Многие ваши дядья и кузены в Шепчущем лесу сражались на нашей стороне, вы же предпочли стать под львиное знамя. Это делает вас Ланнистером, а не Фреем. Поклянитесь своей рыцарской честью, что вы, доставив мое письмо, снова вернетесь сюда с ответом королевы.

– Клянусь, – тут же ответил сир Клеос.

– Вас слышали все, кто присутствует в этом зале, – заметил ему сир Эдмар Талли, брат Кейтилин, говоривший от имени Риверрана и лордов Трезубца вместо их умирающего отца. – Если не вернетесь, вся страна узнает, что вы клятвопреступник.

– Я исполню свою клятву, – чопорно ответил сир Клеос. – Что содержится в письме?

– Предложение мира. – Робб встал с мечом в руке, Серый Ветер занял место рядом с ним, и в зале настала тишина. – Скажите королеве-регентше, что, если она примет мои условия, я вложу меч в ножны и положу конец войне между нами.

Кейтилин заметила, как в задней части зала высокий, тощий лорд Рикард Карстарк растолкал стражу и вышел вон. Больше никто не двинулся с места, а Робб оставил уход Карстарка без внимания.

– Оливар, бумагу, – приказал он. Оруженосец принял у него меч и подал свернутый пергамент.

Робб развернул его:

– Во-первых, королева должна освободить моих сестер и доставить их морем в Белую Гавань. Само собой разумеется, что помолвка Сансы с Джоффри Баратеоном должна считаться расторгнутой. Когда я получу от моего кастеляна известие о том, что сестры благополучно вернулись в Винтерфелл, я освобожу кузенов королевы, оруженосца Виллема Лан-

нистера и вашего брата Тиона Фрея, коих препровожу в Утес Кастерли или в другое место, по желанию королевы.

Кейтилин хотелось бы знать, какие мысли прячутся за всеми этими лицами, за нахмуренными лбами и плотно сжатыми губами.

– Во-вторых, нам должно быть возвращено тело моего лорда-отца, дабы он мог обрести покой рядом со своими братом и сестрой в крипте Винтерфелла, как сам бы того желал. Останки его гвардейцев, погибших вместе с ним в Королевской Гавани, тоже следует вернуть.

На юг отправились живые люди, а домой вернутся их кости. «Нед был прав, – подумала она. – Мое место в Винтерфелле, сказал он мне, но разве я его послушала? Ступай, сказала я, – ты должен стать десницей Роберта для блага нашего дома и наших детей... это моя вина, моя и ничья иная».

– В-третьих, я должен получить обратно отцовский меч, Лед, – здесь, в Риверране.

Ее брат сир Эдмар Талли стоял, заложив большие пальцы за пояс, с каменным лицом.

– В-четвертых, пусть королева прикажет своему отцу лорду Тайвину освободить моих рыцарей и лордов-знаменосцев, взятых в плен на Зеленом Зубце. Когда он сделает это, я освобожу пленных, взятых в Шепчущем лесу и в позднейшем сражении, – всех, кроме сира Джейме Ланнистера, который останется моим заложником, чтобы обеспечить послушание своего отца.

Кейтилин старалась разгадать, что означает хитрая улыбка на лице Теона Грейджоя. Он всегда держал себя так, будто его забавляет что-то, недоступное остальным, и Кейтилин это не нравилось.

– И наконец, король Джоффри и королева-регентша должны отречься от всех своих притязаний на северные области. Север более не часть их владений, но свободное и независимое королевство, как в старину. В него входят все земли Старков к северу от Перешейка, а также земли, орошаемые рекой Трезубец и ее притоками, от Золотого Зуба на западе до Лунных гор на востоке.

– КОРОЛЬ СЕВЕРА! – взревел Большой Джон, взмахнув кулачищем величиной с окорок. – Старк! Старк! Король Севера!

Робб снова скатал пергамент в трубку.

– Мейстер Виман начертил карту, где показаны границы нашего королевства. Вы ответе копию королеве. Лорд Тайвин должен отойти за эти границы, прекратив набеги, поджоги и грабежи. Королева-регентша и ее сын должны отказаться от каких бы то ни было податей с моего народа и освободить моих лордов и рыцарей от всех клятв, обещаний, долгов и обязательств перед Железным троном и домами Баратеонов и Ланнистеров. Кроме того, Ланнистеры доставят мне в залог нашего мира десять знатных заложников, выбранных по обоюдному нашему согласию. Я приму их как почетных гостей в соответствии с их родом и званием. В том случае, если условия этого договора будут соблюдаться, я буду ежегодно освобождать двух заложников и возвращать их родным и близким. – Робб бросил свернутый пергамент к ногам рыцаря. – Таковы мои условия. Если она примет их, мы заключим мир. Если нет... – он свистнул, и Серый Ветер зарычал, оскалив зубы, – она получит еще один Шепчущий лес.

– Старк! – снова взревел Большой Джон, и другие голоса подхватили его клич. – Старк, Старк, Король Севера! – Лютоволк задрал голову и завыл.

Сир Клеос сделался синевато-белым, как прокисшее молоко.

– Королева получит ваше послание, ми... ваша милость.

– Хорошо. Сир Робин, пусть его накормят досыта и дадут ему чистую одежду. Он отправится в путь на рассвете.

– Будет исполнено, ваша милость, – сказал сир Робин Ригер.

– На этом и покончим. – Рыцари и лорды-знаменосцы преклонили одно колено, когда Робб двинулся к выходу вместе с Серым Ветром. Оливар Фрей забежал вперед, чтобы открыть ему дверь. Кейтилин с братом последовала за сыном.

– Ты все сделал как надо, – сказала она Роббу, когда они вышли на галерею, – хотя эти шуточки с волком больше пристали мальчику, чем королю.

Робб с улыбкой почесал Серого Ветра за ухом.

– Зато какую рожу он скорчил! Ты видела, матушка?

– Я видела, как лорд Карстарк вышел вон.

– Я тоже заметил. – Робб снял с себя корону и отдал Оливару. – Отнеси ее ко мне в опочивальню.

– Слушаюсь, ваша милость.

– Могу поспорить, многие чувствовали то же самое, что и лорд Карстарк, – сказал Эдмар. – Как можно говорить о мире, когда Ланнистеры словно чума опустошают владения моего отца, грабя его добро и убивая его людей? Говорю снова: мы должны выступить на Харренхолл.

– У нас слишком мало сил для этого, – уныло ответил Робб.

– Сидя здесь, мы сильнее не станем, – настаивал Эдмар. – Наше войско тает день ото дня.

– А кто в этом повинен? – напустилась на брата Кейтилин. Именно по настоянию Эдмара Робб после коронации разрешил речным лордам разъехаться по собственным землям, чтобы защитить их от врага. Сир Марк Пайпер и лорд Карил Вэнс уехали первыми. Лорд Джонос Бракен последовал за ними, намереваясь отбить назад свой сожженный дотла замок и похоронить павших, а теперь и лорд Джейсон Маллистер изъявил желание вернуться в свое поместье Сигард, чудом не затронутое войной.

– Нельзя требовать от моих речных лордов, чтобы они сидели сложа руки, когда их поля топчут, а крестьян предают мечу, – сказал Эдмар, – но лорд Карстарк – северянин. Нехорошо будет, если он покинет нас.

– Я поговорю с ним, – сказал Робб. – Он потерял в Шепчущем лесу двух сыновей. Кто упрекнет его в том, что он не желает заключить мир с их убийцами – и с убийцами моего отца...

– Дальнейшее кровопролитие не вернет нам отца, а лорду Рикарду – сыновей, – заметила Кейтилин. – Предложение должно быть сделано – хотя мудрее было бы поставить более мягкие условия.

– Будь они мягче, я поперхнулся бы ими. – У сына пробивалась борода, более рыжая, чем темно-рыжие волосы на голове. Роббу кажется, что она придает ему суровый, королевский... взрослый вид. Но с бородой или без нее, он остается пятнадцатилетним мальчишкой и жаждет мести не меньше, чем Рикард Карстарк. Ей стоило труда добиться от него даже этих злосчастных условий.

– Серсея Ланнистер никогда не согласится обменять твоих сестер на пару своих кузенов. Ей нужен ее брат, и тебе это прекрасно известно. – Кейтилин много раз говорила ему об этом, но оказалось, что короли прислушиваются к своим матерям далеко не так, как простые сыновья.

– Я не могу освободить Цареубийцу, даже если бы захотел. Мои лорды никогда мне этого не позволят.

– Твои лорды сделали тебя своим королем.

– И с той же легкостью могут переделать все обратно.

– Если за твою корону нам благополучно возвратят Арию и Сансу, мы с радостью уплатим эту цену. Половина твоих лордов жаждет прикончить Ланнистера в его темнице. Если он умрет у нас в плену, будут говорить, что...

– ...что он вполне этого заслуживал, – прервал ее Робб.

– А твои сестры? – резко спросила Кейтилин. – Они тоже заслуживают смерти? Ручаюсь тебе, что Серсея, если хоть один волосок упадет с головы ее брата, оплатит нам кровью за кровь...

– Ланнистер не умрет. С ним никому даже говорить нельзя без моего ведома. Ему дают пищу, воду, свежую солому – это больше, чем полагалось бы. Но я не намерен его освободить – даже ради Арьи и Сансы.

Кейтилин вдруг заметила, что сын смотрит на нее сверху вниз. Неужели это из-за войны он так быстро вырос – или все дело в короне, которую на него возложили?

– Ты боишься снова встретиться с Джейме Ланнистером в поле – ведь так?

Серый Ветер зарычал, словно гнев Робба переданся ему, а Эдмар Талли положил руку на плечо Кейтилин.

– Не надо, Кет. В этом мальчик прав.

– Не называй меня мальчиком. – Робб выплеснул гнев на своего злополучного дядю, желавшего его поддержать. – Я почти взрослый, и я король – твой король, сир. А Джейме Ланнистера я не боюсь. Я побил его один раз и побью еще, если придется, только... – Он откинул волосы с глаз. – Вот на отца я бы Цареубийцу обменял, а...

– ...А на девочек – нет? – с ледяным спокойствием спросила Кейтилин. – Девочки в счет не идут, так?

Робб не ответил, но глаза у него стали обиженными. Голубые глаза, глаза Талли – это она дала их ему. Она сделала ему больно, но он слишком сын своего отца, чтобы признаться в этом.

«Ты ведешь себя недостойно, – сказала она себе. – Боги праведные, что со мной случилось? Робб делает что может, он очень старается, я же вижу... но я потеряла Неда, скалу, на которую опиралась моя жизнь. Я не выдержу, если потеряю еще и девочек».

– Я сделаю для сестер все, что можно, – сказал Робб. – Если у королевы есть хоть немного здравого смысла, она примет мои условия. Если нет, я заставлю ее пожалеть о том дне, когда она мне отказала. – Ему явно не хотелось продолжать этот разговор. – Матушка, ты уверена, что не хочешь ехать в Близнецы? Там не воюют, и ты познакомишься бы с дочерьми лорда Фрея, чтобы помочь мне выбрать невесту, когда война кончится.

«Он хочет, чтобы я уехала, – устало подумала Кейтилин. – Королям, как видно, матерей иметь не полагается, и я говорю ему вещи, которых он не желает слышать».

– Ты достаточно взрослый, чтобы решить без материнской помощи, которая из дочек лорда Уолдера тебе по вкусу, Робб.

– Тогда поезжай с Теоном. Он отправляется завтра. Он поможет Маллистерам доставить пленников в Сигард и отплывет на Железные острова. Ты могла бы тоже сесть на корабль и к новой луне вернуться в Винтерфелл, если ветры будут благоприятны. Бран и Рикон нуждаются в тебе.

«В отличие от тебя – это ты хочешь сказать?»

– Моему лорду-отцу осталось совсем немного времени. Пока твой дед жив, мое место в Риверране, рядом с ним.

– Я мог бы приказать тебе как король.

Кейтилин пропустила это мимо ушей.

– Говорю тебе еще раз: пошли в Пайк кого-нибудь другого, а Теона оставь при себе.

– Кто же лучше договорится с Бейлоном Грейджоем, чем его сын?

– Джейсон Маллистер. Титос Блэквуд. Стеврон Фрей. Кто угодно... только не Теон.

Робб присел на корточки рядом с Серым Ветром, ероша волку шерсть и стараясь не смотреть матери в глаза.

– Теон храбро сражался за нас. И я рассказывал тебе, как он спас Брана от одичалых в лесу. Если Ланнистеры не захотят заключить мир, мне понадобятся боевые ладьи лорда Грейджоя.

– Ты получишь их вернее, если оставишь его сына в заложниках.

– Теон полжизни пробыл в заложниках.

– На то были причины. Бейлону Грейджою доверять нельзя. Вспомни – он тоже носил корону, хотя и недолго. Может статься, он мечтает надеть ее снова.

– Я его за это не виню, – встав, сказал Робб. – Я – Король Севера, а он пусть будет королем Железных островов, если хочет. Я буду рад надеть на него корону, если он поможет мне свалить Ланнистеров.

– Робб...

– Я пошлю Теона. Доброго дня, матушка. Пошли, Серый Ветер. – Робб быстро удалился, и лютоволк потрусил за ним.

Кейтилин оставалось только посмотреть ему вслед. Ее сын стал ее королем. Какое это странное чувство. Приказывай, сказала она ему во Рву Кейлин, – вот он и приказывает.

– Пойду навещу отца, – сказала она. – Хочешь со мной, Эдмар?

– Мне надо сказать пару слов новым лучникам, которых обучает сир Десмонд. Я зайду к нему позже.

Если он еще будет жив, подумала Кейтилин, но промолчала. Брат охотнее пошел бы на битву, чем к одру умирающего.

Самый короткий путь к центральному зданию замка, где лежал ее отец, вел через богорощу с ее густой травой, дикими цветами, зарослями вязов и краснодрева. Листва шелестела на деревьях, ничего не зная о вести, которую принес в Риверран белый ворон две недели назад. Настала осень, объявил Конклав, – но боги еще не оповестили об этом леса и ветры, за что Кейтилин была благодарна им. Осень всегда страшит, ибо впереди у нее маячит призрак зимы, и даже мудрецы не ведают, не окажется ли следующий урожай последним.

Хостер Талли, лорд Риверрана, лежал в своей горнице, выходящей на восток, где реки Камнегонка и Красный Зубец сливались под стенами его замка. Он спал, когда вошла Кейтилин, – волосы и борода у него были белыми, как его простыни, и смерть, растущая внутри, изглодала могучее некогда тело.

Рядом с кроватью, все еще в кольчуге и замызганном дорожной грязью плаще, сидел брат отца, Черная Рыба. Его сапоги покрывала густая пыль.

– Робб уже знает, что ты вернулся, дядя? – Сир Бринден Талли был глазами и ушами Робба, командиром его разведчиков и передовых отрядов.

– Нет, я пришел сюда прямо с конюшни, поскольку мне сказали, что король держит совет. Я подумал, что его милость захочет сначала выслушать мои новости наедине. – Черная Рыба был высок, худощав, с седыми волосами и четкими движениями, с морщинистым, обветренным, гладко выбритым лицом. – Как он?

Кейтилин поняла, что он спрашивает не о Роббе.

– Почти так же. Мейстер дает ему сонное вино и маковое молоко, чтобы облегчить боль, поэтому он большей частью спит, а вот ест очень мало. Мне кажется, что он слабеет с каждым днем.

– Он говорит что-нибудь?

– Да... но смысла в его словах все меньше и меньше. Он сожалеет о незаконченных делах, вспоминает о людях, давно умерших, и временах, давно минувших. Порой он забывает, который теперь год, и не узнает меня. Однажды он назвал меня именем матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.